

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ

ЭКСПЛОАТАЦИЯ НЕДР ЗЕМЛИ В ТУРЦИИ

(По документам, изданным А. Рефиком и Ф. Спахо)

ДОКУМЕНТЫ О РУДНИКАХ

Документы «Рудники Турции в Османскую эпоху»,¹ извлеченные Ахмедом Рефиком из архивов Высокой Порты, охватывают период от 967 г. х. до 1196 г. х., иными словами, от конца царствования султана Сулеймана I Законодателя до султана Абдул-Хамида I. Было бы ошибочно думать, что до XVI в., до 1560 г., правительство было равнодушно к разработке рудников и не регламентировало ее; просто, как разъяснил Муса Казым,² документы более старые не сохранились, а они, конечно, были.

Сравнительно незначительные, с государственной точки зрения, документы легко могли исчезнуть или даже сгореть во время пожаров, от которых страдала столица. Так, напр., в документе № 61 от 1196 г. х. (1782 г. н. э.) есть ссылка на фирман 1049 г. х. (1639 г. н. э.).

Вообще в сборнике досадные лакуны; так, для одного небольшого периода 967—979 гг. х. о рудниках Биледжика сохранилось семь документов, а потом — полное умолчание, как будто прекратилась добыча руды; о рудниках Гюмюшанэ, о которых Эвлия-Челеби писал: «Таких серебряных рудников, как здесь, не было в мире», — впервые идет речь в указе от 1107 г. х., т. е. 1696 г. н. э. Одним словом, для зарисовки цельной картины документы, опубликованные Ахмедом Рефиком, недостаточны, и нужны дополнительные изыскания.

Провинциальные архивы, конечно, могли бы корректировать документы Высокой Порты; так, напр., в «сиджилле» — реестровых книгах сараевского шариатского суда — был зарегистрирован акт от 959 г. х. (1551 г. н. э.) о руднике в Боровице.³

Документы затрагивают одну тему: подавляющее большинство документов говорит о рудниках Анатолии. Один, по крайней мере, документ № 39 — о серебряных рудниках на о. Ташоз (Тасос — в Эгейском море, у берегов Фракии) — был уже напечатан в сборнике «Жизнь Стамбула в XII веке хиджры» (№ 101).

Материал разбит на две группы: сперва (стр. 1—43) идут за №№ 1—61 указы (среди них и циркулярные, так сказать, письма), потом (стр. 44—55) разные бумаги; есть и указы, а также докладные записки, проекты указов,

¹ Osmanlı devrinde Türkiye madenleri (967—1200). İstanbul, 1931, pp. XI + 60.

² Vesaiki tarihiyemiz (Tarihi osmanî encümeni mecmuası, № 2, p. 65): реестры дивана идут от 961 г. х. до 975 г. х. с перерывами.

³ R. ef. M u d e r i z o v i ć. Bosanski majdani za turske uprave. Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini, XXX, pp. 22—23.

расписки, счета и т. д. — числом 12, а всего их обнаружено было в архивах до 200. Таким образом, в сборнике преобладают указы (свыше 80); о некоторых Ахмед Рефик упоминает только вскользь, в сносках. Заканчивается сборник (стр. 57—60) указателем лиц и географических пунктов.

Документам Ахмед Рефик предпослал предисловие (стр. V—XI), в котором вкратце определяет их содержание, а кроме того, приводит из историков (Печеви, Рашида), и еще больше из путешествия Эвлия-Челеби, сообщения о местах, где добывалась руда или чеканилась монета.

Однако от Ахмеда Рефика каким-то образом ускользнули законоположения о рудниках, изданные Фехимом Спахо (потом реис-уль-улема Югославии) в «Гласнике Земальского музея у Босни и Херцеговини».¹

Труды боснийских туркологов, конечно, плохо известны; но еще в 1928 г. во втором томе «Türkiyat mecmuası» — органе «Туркологического института» при Стамбульском университете, был помещен перевод статьи Н. К. Дмитриева, сообщившего содержание сараевского журнала², и этим кружным, наконец, путем мог Ахмед Рефик подойти к прочтению оригинала — текста законов.

Среди рукописей «Земского музея» в Сараеве Фехим Спахо нашел юридический сборник XVII в., из которого и извлек четыре закона о рудниках. Два закона (первый и третий) датированы 943 г. х. (1536 г. н. э.), т. е. относятся к эпохе султана Сулеймана I. На двух других законах дата отсутствует; четвертый закон кодифицирован «в силу высочайшего приказа и благословенного указа «султана султанов», султана Сулеймана».

Частью законы эти подтверждают старые законы и обычаи, возбуждая, таким образом, маленькую надежду на отыскание актов более ранних; частью (см. первый закон), это — положения, выработанные и предложенные инспектором Омаром, кадием Горицы, ревизовавшим рудники в Новоберде и Кыратове; потом эти, так сказать, новеллы легли в основу последующего законодательства. Третий закон, датированный, тоже носит на себе следы новообразований: законодатель видит уловки для сокрытия руды (и металла) и вводит новые порядки, должностующие пресечь злоупотребления.

Здесь отражаются не только нормы шариатские (или турецкие), но, поскольку эксплуатация рудников происходила на Балканах задолго до турок, также и обычаи, укоренившиеся давно уже на местах. Горное право впитало элементы права народов (византийцев, немцев), устремлявшихся на Балканы для эксплуатации недр земли. Один закон (четвертый), наиболее обширный (стр. 147—162), так и называется «старым саксонским законом», «исстари установленным», обычаями мастеров рудного дела. Саксонский закон соблюдался, очевидно, там, где работали немцы-христиане, но, несомненно, отдельные положения могли перейти и на рудники, занятые турками-мусульманами. Наличие в законах славянских терминов предполагает отзвуки и правовые — отзвуки обычного горного права у славян; там и ссылки на «закон» и «сбор» славян.

На Балканах жили славяне (босняки) — христиане и мусульмане; так, счет идет от христианских праздников («божица» — рождество, «красное яйцо» — пасха), когда рабочие на праздники уходили в отпуск (потому и право на эксплуатацию сохраняется в течение 15 дней после праздников), и работа на рудниках поверяется по понедельникам, когда после воскресного отдыха мастера возвращаются из дома.

¹ Fehim Spa ho. Turski rudarski zakoni. Гласник, XXV, 1913, стр. 133—150, 151—194.

² См. ЗКВ, т. II, стр. 97—108.

Отступая от шариата, закон признает одинаковую силу за показаниями (свидетельством) как мусульманина, так и христианина. Однако в случае разногласий споры на рудниках разрешает не только третейский суд, но и кадий.

Очевидно, методы эксплуатации в Румелии отличались от методов Анатолии. В европейской Турции частной инициативе предоставлялась большая свобода; пожалуй, и крестьянский труд поставлен был, сравнительно, в более мягкие условия. Здесь, в Румелии, как будто и откупы были не так широко распространены (по крайней мере, законы XVI в. об этом упоминают редко).

Законы говорят все время о правах и обязанностях хозяев, а поскольку на первом плане стоит забота об увеличении добычи, закон поддерживает право того человека, который занимает шахту, заброшенную хозяином; таким образом, труд поощряется, ему отдается предпочтение перед формальным юридическим правом на землю.

Закон регламентирует размеры участка, подлежащего эксплуатации, порядок эксплуатации, переход рабочих от одного хозяина к другому, покупку руды, одежду рабочего на руднике, поведение его (воровство, ругань штрафуется и наказуется) и т. д.; одним словом, все говорит об интенсивности эксплуатации и о высокой, до мелочей, разработанности горного саксонского статута.

Закон хочет создать на рудниках благоприятную обстановку для успешной работы. Так, все идущие на рудники освобождаются от налогов; рабочий, посаженный за долги в тюрьму, до полудня воскресенья выпускается из тюрьмы под поручительство, чтобы мог во-время приняться за дело.

РУДНИКИ В ТУРЦИИ

Разработка рудников в Малой Азии производилась давно;¹ так, уже у вавилонян для Тавра было имя «серебряные горы».

Предшественники турок, Данишменды² и Сельджукиды,³ тянулись к серебряным копьям (в Кастамону и Ларендэ). Они не только добывали в горах руду, но и заботились о поддержании на рудниках порядка и размещали там военные отряды; металл играл большую роль в экономической жизни государства. После исчезновения Сельджукидов продолжались старые традиции.

В компилятивном географическом труде, составленном окончательно в 1321 г., Абулфида, описывая «страну Рума», говорит, что «в Амасье есть серебряные рудники».⁴

От XIV в. о Малой Азии сохранено подробное описание Ибн-Баттутой.

Ибн-Баттута, путешествуя в первой половине XIV в. по Передней Азии, зарегистрировал пункты, славившиеся богатствами недр земли. В Гююшанэ, как указывает уже название города, были серебряные рудники;

¹ обработке железа в Передней Азии в древнейшие времена см. статью N. Collinos-Tenthorey (La Nature, 1937, 15 IX), переведенную на турецкий язык в журнале «Ülkü» (1938, № 5, p. 264 и сл.).

² Ф. Успенский. Мелик Гази и Дзул-Нун Данишменды. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., XI, 1879 г., стр. 249 (сведение заимствовано у А. Д. Мордтмана).

³ См. замечание F. Sarré в «Reise in Kleinasien» (Berlin, 1896, p. 44) о султанине Ала-эд-дине Кей-Кубаде I.

⁴ Géographie d'Aboul Féda. Trad. par. St. Guyard, II, 2, p. 138. — Старые показания (и европейские) собраны в монографии W. Heyd'a.

потому-то и привлекал, очевидно, город к себе купцов из Ирака и Сирии.¹ В Эрзинджане были медные рудники; там выдвигали вазы, канделябры. Когда Ибн-Баттута из Багдада подвигался вверх по р. Тигру к Мосулу, он заметил в «Ал-Кайяра»² на поверхности земли «черную глину, блестящую, мягкую и хорошо пахнущую». И Ибн-Баттута описывает, как местные жители, зажигая огонь, добывают нефть.³ Он заканчивает рассказ ссылкой на источники нефти между Куфой и Басрой.

Аль-Умари, со слов какого-то шейха Хайдара Ал-Урьяна — Гольша (принадлежавшего, быть может, к ордену календеров или руфай), рассказывает,⁴ что во время монгольского владычества в Малой Азии работали 3 серебряных рудника: один, безусловно, Лулу (крепость в Малой Армении, завоеванная Сельджукидами); затем Гюмюшанэ,⁵ хотя слово это, как говорит Эвлия-Челеби, только в XV в. сменило старое название «Джанджа», и, наконец, быть может, Мараш.⁶

На протяжении столетия мелькают известия, подтверждающие, что с момента создания Османского государства продолжалась разработка рудников. Так, сохранились две художественные медные вазы от первой трети XIV в., на которых вырезаны имена султанов: Османа (1326 г.) и Орхана (1330 г.).⁷ Малоазиатские рудники в Бакыр-кюреси поддерживались потом султаном Мехмедом I (нач. XV в.). А раньше, когда турки устремились на Балканский полуостров, наступление на рудники раскрывало их тайные намерения. Карл Маркс, составивший «Хронологические выписки», писал, что султан Баязид I после победы на Коссовом Поле «присвоил себе в личную собственность серебряные рудники в Каратове».⁸ Потом он подчеркнул это еще раз, когда упомянул о занятии (в 1432 г.) султаном Мурадом II Новоберде «с его богатыми серебряными рудниками».⁹

Так, хотя и разрозненные, даты эти позволяют думать, что добыча руды в Малой Азии шла непрерывно. Руда нужна была и Османскому государству. Но, с одной стороны, старейшие документы о рудниках пропали, а, с другой, ослаб и контроль над рудниками; однако на местах люди копошились в земле, руда извлекалась часто втихомолку и хищнически расходовалась на местные областные нужды, а правительство сначала и не знало об этом. Оно, может быть, и знало и тоже брало для себя руду — железо, медь, но взаимоотношения между рудокопами и государством точно не были установлены, и только когда наладился государственный аппарат, когда устранены были в стране политические противники (Караман), с конца XV в. правительство наложило руку и на рудники.

Как только какой-нибудь агент доносил о руднике, объявившемся в стране, оно запрашивало о количестве и качестве руды и о высылке образ-

¹ Voyage, II, p. 293.

² Самое название указывает на нефтеносность.

³ Voyage, II, pp. 133—134.

⁴ Al-'Umari's Bericht über Anatolien. . . Herausgeg. von Fr. Taeschner. I. Text, Leipzig, 1929, p. 20.

⁵ Так расшифровал издатель текста, проф. Ф. Тешнер, искаженное или недописанное слово: в рукописях стоит *مسی* или *لسی*.

⁶ В рукописях: *ماحرث باحرت* (может быть, из *مرعش*?). О серебряных рудниках, действовавших в XIII—XIV вв., см.: I. H. Uzunçarşılı. Anadolu beylikleri. Ankara, 1937, p. III.

⁷ G. Migeon. Manuel d'art musulman, t. II, Paris, 1927, pp. 94—95.

⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 180—181.

⁹ Там же, стр. 196.

цов в Стамбул, и, кажется, не было случая (по крайней мере, из документов этого не видно), чтобы отказывалось от находки. Нередко оно посылало людей — мастеров, «чавуша» — для организации работы. Оказывалось, на месте жили прочные воспоминания или предания, что рудники разрабатывались давно, еще во времена «неверных», т. е. в византийскую эпоху.

Работа в Малой Азии налаживалась медленно: монгольское нашествие нарушило нормальное течение хозяйственной жизни, да и интерес к рудникам у мусульманского населения страны — у турок — был слаб; более опытные мастера, знающие рудокопы, были в Румелии; там разработка шла интенсивнее. Когда в Малой Азии открывается новый рудник, рудокопы вызываются из Румелии, со всем необходимым материалом и инструментами.¹ Руда румелийская славилась. Когда кадий Манисы, подавая прошение о возобновлении работ в горе Ниф, хочет получить у правительства султана Мурада III согласие, он доказывает, что тамошняя руда лучше румелийской.

Таким образом, уже с конца XVI в. складывается мысль о превосходстве Румелии над Анатолией. Конечно, горная техника в Румелии стояла выше, чем в Анатолии: там на рудниках были мастера-иностранцы. Уже в фирмане султана Баязида II (от 1488 г.) санджакбею Герцеговины употреблено чешское слово (*kukus*).²

Используя, очевидно, труд Йиречка,³ Фехим Спахо набросал в вводной статье вкратце очерк горной промышленности в Боснии. Обилие рудников в Боснии, вероятно, и закрепило за ней эпитет «Серебряная», который удержался до XIX в. В средние века рудники составляли главный источник богатств земель босняцких и сербских. Византийские и западноевропейские писатели и путешественники говорят о Кратове и Новоберде как о знаменитых рудниках; там давно были колонии иностранные (немцев и итальянцев). В руках немцев (саксонских) находились рудники; от немцев проникли, через сербов, в турецкий язык горные технические термины. И когда в 1455 г. султан Мехмед II завоевал Новоберде, Рагузская республика, извещая об этом венгерского короля, писала о Новоберде, что это — «столица той страны и благодаря рудникам нерв войны»⁴ (*caput illius patriae et ob mineras belli nervus*). По всей стране раскиданы были места, где шло добывание горной руды. Во время турецкого владычества рудники еще действуют; правительство принимает меры для их расширения, но в XVII в. начинается запустение, охватившее постепенно всю страну — не только Румелию, но и Анатолию.

Экспансия турецкая замирает; уменьшается и спрос на вооружение, на железные изделия; так, приостанавливается рост рудников; в Турцию идет западноевропейская продукция, более совершенная, получаемая взамен за кабалу турецкого народа.

Впрочем, впоследствии для разведок и для организации работы на рудниках вызывались в Турцию иностранцы, состоявшие на турецкой службе и принимавшие турецкое подданство. Так, Боннваль (Ахмед-

¹ См. документ № 34, очевидно от 992 г. х. (1584 г. н. э.); ср. также № 33.

² Fr. Kraeplitz. Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1922, p. 73, not. 3. Впрочем, проф. З. Неядлы не мог объяснить это слово. В документе XVIII в. встречается и сербское слово (см. на стр. 52: *ištavana edüb.*)

³ J. C. Jireček. Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters. Prag, 1879.

⁴ L. Villari. The Republic of Ragusa. London, 1904, p. 237.

паша), отливавший пушки, ища в Боснии золото, открыл нефть.¹ А нефть могла находить применение в военной технике.

Европейские государства вышли из средневекового застоя, городская буржуазия готовится к экономическому наступлению на Турцию, и в XVII в. ярко сказывается кризис — упадок государства, болезненно воспринимаемый турецкими публицистами.

А. Д. Мордтманн-старший, объехавший северо-западные районы Малой Азии, неоднократно отмечает, как забрасывались рудники,² когда доход не оправдывал затраченных усилий, когда, следовательно, эксплуатация требовала уже и более высокой техники, и более мощного капитала. На это жаловался уже в XVIII в. Татарджик Абдулла: «У нас все развалилось», — говорил в XIX в. каймакам Кебан-Мадена.³

Ассортимент руды, добывавшейся в Малой Азии, невелик: железо, медь, серебро и, конечно, золото, а также сера и селитра.

Разработка золотых рудников шла в Турции как-то завуалированно, скрытно от населения, а между тем добыча золота у правительства стоит постоянно на первом плане. Узнавая о новом руднике, оно запрашивает, не обнаружено ли там и золото («и медь» — прибавляет указ, маскируя истинную цель запроса).⁴ Остров Ташоз (в XV в. принадлежавший Лесбосскому герцогу, зависевшему от Генуи) издавна славился золотыми рудниками, и потому, может быть, так настойчиво опрашивается местное население; потому-то так упорно и напоминает правительство о мерах для охраны грузов, направляемых с рудников в Стамбул. Добыча золота на рудниках Кебана и Эргани раскрывается только в 1164 г. х. (1750 г. н. э.), когда 3 груза золота и серебра попали в руки разбойников.⁵

Территория, на которой шла разработка, значительна: на западе — Биледжик, а на востоке — Керкук, район, отошедший после первой империалистической войны к Ираку; на севере — Кагызман, вступивший опять в лоно Турции, а на юге — о. Кипр, центр санджака Ичиль. Кочибей Гёмюрджинский подчеркивает «неисчерпаемость в этом высоком государстве» золотых, серебряных и других руд. Уже географические названия говорят о наличии руды (напр.: р. Маден, центр Кескина; Акдаг-мадени в Йозгаде).⁶

Разъезжая в XIX в. по Курдистану, Мольтке поражен богатствами страны, лежавшими втуне и ожидавшими эксплуатации: из песка Тигра он шутя извлек магнитом 50 фунтов железа.⁷

Я составил список рудоносных пунктов как в Анатолии, так и в Румелии, о которых есть упоминание в документах, включив сюда и города, где были устроены монетные дворы.

Однако в этом перечне реальная картина еще плохо отражена.

Во всяком случае, пробелы несомненны; так, и «Законник» султана Сулеймана I и записки Г. Дерншвама, свидетельские показания Востока и Запада XVI в. говорят о рудниках у Черного моря (хотя и не локализируют

¹ A. V a n d a l. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. Paris, 1887, p. 145.

² A. D. M o r d t m a n n. Anatolien, Skizzen und Reisebriefe aus Kleinasien. Hannover, 1925, pp. 321 (Балья-маден), 453 (Калькыт-Келькит), 520 (Гюмюшкян).

³ А. Е л и с е е в. По белу свету. СПб., 1886, т. III, стр. 330.

⁴ В. С м и р н о в. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873, стр. 181.

⁵ A. R e f i k, op. cit, pp. VII—VIII (не видно, однако, откуда он заимствовал это сведение). Ср. также указ вали Эрзурума 1131 г. х. (1719 г. н. э.) об утечке золота и серебра за границу. См. документ № 34 о Ширване (около Гюмюшанэ).

⁶ C. M o s t r a s. Dictionnaire géographique de l'Empire Ottoman. SPb., 1873, p. 118.

⁷ Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei. Berlin, 1876, p. 279.

их), между тем документы, опубликованные А. Рефиком, об этом молчат. Садеттин Энвер пишет, что на берегу Черного моря попадаются следы железных печей.¹

Обследования археографо-исторические, произведенные славянскими учеными (К. Йиречек, Р. Мудеризович, Ч. Трухелка), вносят также большие дополнения. С другой стороны, чеканка монет вне Стамбула, в провинциальных городах, европейской и азиатской частях Османской империи, предполагает близость рудников, питавших монетные дворы металлом. Константинополь был завоеван турками только в 1453 г.; между тем задолго до этого чеканка шла в прежних столицах государства — Брусе и Эдирнэ.

Список этот, конечно, значительно увеличился бы, если бы привлечен был и Хаджи Хальфа, хотя и у него есть заведомые пропуски.²

УПРАВЛЕНИЕ РУДНИКАМИ В СТАМБУЛЕ

Горно-рудниковое управление находилось, конечно, в Стамбуле. От «высокого дворца» (*dergâhi muallâ*) исходили указы; к «порогу счастья» (*sûddei saadet*) посылались и донесения с мест — от администрации, от лиц, наблюдавших за рудниками, и, наконец, от «частных лиц» — местных старожил или почтенных граждан. Решение вопроса зависело юридически от «августейшей» воли, изъявляемой письменно или устно; так, на докладной записке, поданной кадием Манисы (о восстановлении на руднике работ), султан Мурад III начертал резолюцию (*hatti hümayun*): «Если полезно, следует рассмотреть» (*nafi ise görülsün*). Однако вероятнее, что по докладу султану последовало устное распоряжение: трудно предполагать, чтобы мелкие, сравнительно, бумаги представлялись на благовоззрение султана.

От имени султана действовал «августейший» диван; всем, что относилось к рудникам, ведала «палата дефтердара» (*defterdar kapusu*).³ Дефтердар или башдефтердар (как он именуется документом), так сказать министр финансов, заботившийся о «мусульманской казне» (*beytülmüslimin*), один из трех высших сановников, имел право выдавать указы от имени султана;⁴ он «опубликовывал», вводил в действие фирман султана.

На документах стоит выразительная форма: «Поскольку относительно составления высочайшего указа от августейшего дивана башдефтердар вынес решение, то для действия сообразно этому издан высокий фирман» («*Divani hümayunum tarafından emri şerifim tahriri babında baştefterdarım... ilâmetmeğin ilâm mucibince amel olunmak üzere fermani âlişanım sadir olmuştur*»). Только после того как башдефтердар видел и одобрил образцы руды, он отдавал распоряжение, издавал фирман о начале работ.

Для вящей силы, для того чтобы у указа была беспрекословная сила, на нем находилась «тугра» или «тевки» — султанский гриф; документ № 44

¹ Madenciligimize bir bakış. 15. inci yılda Uluş 15. inci yıl-1938, p. 57.

² См. также: L. Vivien de Saint-Martin. Histoire des découvertes géographiques des nations européennes dans les diverses parties du monde, t. III, Paris, 1846, p. 396; старая карта Конийского вилайета, составленная адрианопольским митрополитом Кириллом (издана в Вене в 1812 г.); также: М. Вронченко. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. СПб., 1839, ч. I.

³ Одиннадцатый отдел — «бюро финансовых дел» (*emvali maliye kapusu*) (Fr. Krae- litz, op. cit., p. 40) или шестнадцатый отдел — «бюро откупов рудников» (*maadin mukataası kalemi*) (J. von Hammer. Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, II. Wien, 1815, p. 156). Противоречие объясняется, очевидно, тем, что конструкции аппаратов управленческих относятся к разным эпохам.

⁴ Fr. Krae litz, op. cit., p. 10. Об организации управления дефтердара см.: A. Belin. Essai sur l'histoire économique de la Turquie. Journal Asiatique, 1864, t. 3, p. 466 sq.

и напоминает об этом: «Это есть копия благородного моего указа от «малие» (финансового управления); для того чтобы действовали по этому указу, в „титуле“ его есть „августейшая высочайшая подпись“ (maliye tarafından virilân emrim suretidir. mucibince amel oluna deye unvanında hattı hümayunu şevketmakrunu vardır). Без «тургы», хотя бы и скрепленный подписью начальника, документ был недействителен.¹

Принимая решение, башдефтердар наводил справки в архиве, так сказать, соблюдалась преемственность — согласованность с записями (kiyuud) и постановлениями (ahkâm), хранившимися в «августейшем» диване.

Компетенция дефтердара широка: он определяет, есть ли смысл разрабатывать руду; для этого требует пробу (образцы руды) и отсылает для анализа в Топханэ, в Стамбуле производится экспертиза. В Ширване найдено серебро, и немедленно правительство запрашивает, не обнаружено ли золото, медь. Состояние рудников — работа, выполнение нарядов, заданных правительством, оборудование — все это интересует дефтердара, обо всем всегда у него должны быть точные сведения. Центр входит и в мелочи, напр. в условия и стоимость провоза руды с места до порта.

Выданный в Стамбуле «патент» (berat) предоставлял право на эксплуатацию рудника. На месте документ этот регистрировался, записывался в книги.²

С мест посылались в Стамбул отчеты кадиями, реестры казâ (sicilli kazâya defteri). Не удовлетворяясь этими донесениями, правительство из Стамбула посылает «инспектора» (müfettiş), для этого намечается кто-нибудь из служащих в «казне» — какой-нибудь дефтердар (он набирает для нового рудника в Ширване и рабочих), или — это «чауш» «высочайшего» двора. посылаются и специальные «кятибы» — секретари для надзора за соблюдением узаконений.

Инспектором могло быть и должностное лицо на месте; одно лицо совмещало две должности; кадий Манисы был и инспектором финансов (müfettişi emval). Кадий Акдага (скоро, впрочем, освобожденный от этой должности) одновременно был и инспектором на селитренных «заводах»: он контролирует правильность расчетов; ему поручается также выяснить обстоятельства пропажи селитры во время перевозки. У правительства были на местах и агенты — «сведующие люди», и иногда оно адресует на их имя копию указа.

Работа на местах постоянно регулируется из центра; рудники Гююшанэ в 1106 г. х. (1694 г. н. э.) обязались чеканить на месте монету, но правительству экстренно нужна медь, и об этом посылается на место указ.

Время бывает срочное; для пороха нужна селитра, исполнитель от Стамбула находится далеко, и вот, чтобы увеличить добычу селитры, правительство прибегает на всякий случай к угрозам: «Смотри же, берегись. Если еще раз будет сообщено о твоей небрежности и нерадении, никакие твои оправдания не будут приняты во внимание». За упущения накладывались строгие наказания: ослушник мог потерять землю, санджак и быть сослан куда-нибудь в «отдаленные страны». Угрожающий тон указа служил предостережением всем властям — «в назидание прочим».

АДМИНИСТРАЦИЯ

Указы адресуются обыкновенно начальникам тех эялетов, округов, уездов, на территории которых находятся рудники.

¹ Fr. Kraeplitz, op. cit., pp. 17—19.

² Ср. канцелярское выражение: sicilli mahfuza kaydedüb (A. Refik. On altıncı asırda rafızlık ve bektaşılık. İstanbul, 1932, № 5, p. 15).

Для административных органов употребляются разнообразные термины (отчасти и синонимические), говорящие и об объеме власти и об эволюции управленческого аппарата на протяжении XVI—XVIII вв.

Между тем как в документах о кочевых турецких племенах в Анатолии в конце XVI в. (и в первой половине XVII в.) встречается еще старый родовой термин «сюбаши», в эпоху Сельджукидов частый для начальника области (поскольку там сперва и жило какое-нибудь племя), — здесь сюбаши, как административный орган, знакомый еще и «Законнику» султана Мехмеда II, исчезает: администрация XVI в. освободилась, таким образом, от пережитков родового строя.¹ Во главе эялета (врывається рано и термин «вилайет»)² стоит бейлербей или миримиран — новая форма старого сасанидского термина, перешедшего к арабам; наряду с этим встречается и упрощенный термин «бей»; так, в эялете Босна в 981 г. х. (1573 г. н. э.) находится бей; но под беем иногда понимается и начальник племени, также бей мюселлимов. Через столетие (в конце XVII в.) появляется термин «вали», пришедший книжным путем: вали Эрзурума, вали Трапезунта. Объем власти вали значителен, он и титулуется нередко «везирем». Высокий титул «везир» может напоминать также и о его предыдущей должности; так, напр., великий везир Мехмед-паша в 1189 г. х. (1775 г. н. э.) перемещен в Салоники мутасаррифом; в 1112 г. х. «мухафызом» Салоник был тоже везир.

Хотя в руках бейлербея, бея и т. д. сосредоточена как военная, так и гражданская власть, истари уже повелось так, что в областях и округах находились еще кадии, помощники их по гражданской (судебной) части. Представители шариата, они стояли на страже религиозного закона, который нормировал жизнь страны. Уже со времени султана Османа на кадия возлагались административные обязанности (распоряжения о налогах, девширмэ).

Кадий, так сказать, — alter ego бея, и характерно, что указ № 27 от 981 г. х. (1573 г. н. э.) адресуется бею Босны и кадию Сарая (как будто это было два пункта). В провинции, это — первое лицо, заместитель бейлербея; так, циркулярное письмо о поставках селитры адресовано бейлербею Карамана и кадию Коньи (входившей в состав Караманского эялета).

В казах тоже находится кадий или хаким. А над всеми ими, над всеми кадиями эялета стоит молла — молла в Эрзуруме.

Был у бейлербея и управляющий — кетхуда (капу kethudası); были и «секретари» (kâtip, muharrir), напр. секретарь в Килисе (в Боснии), ведшие учет земельным владениям и деревьям (налогам и повинностям, лежавшим на них).

Вообще, органы провинциальной администрации представляли сколок центральных учреждений, там были, напр., также и дефтердары, подчиненные дефтердару (башдефтердару) Стамбула.

Если в центральном городе области была крепость, там сидел комендант (dizdar). Так, в Эрзуруме был диздар, при нем и военные начальники, как, напр., топчубаши (начальник артиллерии), тоже заинтересованный ходом работ на рудниках, поскольку снаряды шли ему непосредственно из мастерских рудников.

В казах, уездах области, расположились: воеводы, мютеселлимы, наибы и прочий «люди закона» (ehlî örf). Термин «воевода» в Анатолию зашел, конечно, из Европы; уже один из старейших фирманов султана Мехмеда II от 1456 г. (хранившийся долго в Главном архиве министерства иностран-

¹ Впрочем, один раз в указе от 978 г. х. (1570 г. н. э.) на имя кадиев Темешвара этот термин встречается: «воеводы, сюбаши, займы. . .» (документ № 13).

² См. документ № 30 от 981 г. х. (1573 г. н. э.) — вилайет Карамана.

ных дел в Москве) обращается к молдаванскому воеводе, Петру III;¹ у турок термин «воевода» сузился (напр. воевода санджака Болу). И воевода, и мю-теселлим — люди высокие, им тоже нужна медь, и к их законным требованиям правительство должно прислушиваться.

Наибы, представители шариата, скорее заместители кадиев, сидят в казах, напр. в Гюмюшханэ, но находятся и на о. Ташозе и в Румелии — в Самакове, в Велчтрине.

Власть на местах — бей и кадий — исполняют указы, получаемые из центра, из Стамбула. С одной стороны, они несут общее наблюдение за рудниками: заботятся о срочном изготовлении заказов, снабжают рудники углем, дровами, продовольствием, следят за невывозом за границу серебра. С другой стороны, на них возложены фискально-жандармские обязанности. Используя военную силу — янычар, расквартированных по городам, они взыскивают с христианского населения харадж — авансом затраченный капитал на разработку и управление рудниками; а главное, они должны обеспечить доставку руды до порта.

ОХРАНА НА РУДНИКАХ

От охраны рудников местная власть, собственно, была освобождена, так надежнее. Впрочем, охрана рудника Эргани возлагалась на хакима Эгиля, т. е. на местную администрацию, и только когда хаким в 1145 г. х. (1732 г. н. э.) ушел на войну, правительство ассигновало средства на содержание стражи.²

Кругом, в глуши провинции, было неспокойно: за ущельями прятались крестьяне, убежавшие от хозяина; бродили кочевники, да и те, что осели на земле, сохраняли еще старые вольные навыки, их так и тянуло разорить селение, забрать то, что добыто из рудников.

Около Акдагмадени давно уже была крепостца («Kale»), оберегавшая от нападений туркменов.

Для того чтобы оградить рудники от грабежей, власти старались заинтересовать кочевников. Кочевники должны были платить налоги, но сбор был затруднителен, и правительство шло на то, чтобы налог заменялся натуральной повинностью. Кочевники брали на себя охрану рудников, правительство селило их вокруг рудников, и они несли сторожевую службу.

Так, кочевникам, жадным до легкой наживы, противопоставлялась живая сила из кочевников полуоседлых, прирученных.

Богатые рудники — Кебан и Эргани — оберегались кочевниками из племен дедешли, сельманлы, чокшурутлу, айханлы, софылар и кулыхак.³ На восточных окраинах государства, конечно, было всегда тревожно, и правительство шлет бею Чермика указ об обуздании племени милли, кочевавшего в Диярбакыре, которое совершило набег на рудники Кебан и Эргани; правительство занимало мосты (напр. мост через р. Джейхун), чтобы преградить кочевникам, туркменам и курдам, путь на рудники Ахсендерэ (здесь бейлербею Мараша должны были помогать и аяны). На севере рудник Испие страдал от засевших в горах чепни — племени, в XIII в. участвовавшего в восстании Баба-Исхака.

Однако на кочевников надежда была плохая, и правительство создавало на рудниках специальные отряды охранников (*mustahfiz*), обеспечивая их содержанием: фуражом, квартирным довольствием и деньгами. Количество

¹ Fr. Kraeplitz, op. cit., p. 44.

² См. документ № 57.

³ A. Refik, op. cit., p. VI.

стражников на рудниках зависело, конечно, от величины и значения рудника. Для охраны, напр., небольшого рудника в Требче (в Румелии) нанято было только 10 сейменов. В Камениграде (в Боснии) рудники были старые и богатые; так как они были расположены на австрийской границе, то и утечка руды за границу могла быть больше. Поэтому, когда в 1126 г. х. (1714 г. н. э.) ставился вопрос об охране, запроектировано было 60 «пехотинцев» и 40 «конников». Из истории Рашида видно, что на рудниках Сидрекапси было 40 сейменов, получавших ежедневно 15 акча фуражных. Рашид добавляет, что, так как Сидрекапси расположено на берегу моря (Эгейского), то это необходимо для охраны от христианских корсаров и разбойников.¹

Чем богаче рудник, тем более повышается внимание правительства. Так, в Эргани, на богатейших рудниках, значение которых раскрыто республиканским правительством Турции, проведенным туда железную дорогу, было 120 человек охраны, «пехотинцев» и «конников», левендов. На содержание их в течение 6 месяцев — обычного срока службы — казна ассигнует 3420 пиастров на фураж и на довольствие.

В горных ущельях (*derbent*) находилась также стража (*derbentçi*), выставленная откупщиком, который снимал у правительства проходы; охраняя дорогу от разбойников, он эксплуатировал и путников и брал двойные пошлины.

Надзор за транзитными путниками действовал в Малой Азии давно. Прелести его испытал на себе в первой половине XV в. Бертрандон де-ля-Брокьер, возвращавшийся из Палестины во Францию. На границе владений Карамана, у горного ущелья, он был задержан греком, которому проход был дан с откупа. Грек, подозревая, что перед ним богатый человек, хотел, как почудилось, быть может, французу, зарезать его, но подоспел вожатый слуга-мамлюк, и два золотых дуката спасли его.²

От грабежей страдало не только казенное добро; мастера Эргани боялись отходить от рудников, чтобы купить для себя, как говорит указ, материал для покрытия глазурью горшков.

Территория рудника представляла своего рода крепость; в документах употребляются как синонимы термины: «мастерская» (*kârhâne*) и «паланка» (*palanka*). Паланка — укрепление, сооруженное из дерева и земли и окруженное рвом. Поскольку слово это венгерское (*palánk*), ясно, что этот тип построек возник именно в Румелии и, может быть, по образцу тех укреплений, какие наблюдали турки у своих соседей.

Иногда жильем для стражника служили чардаки (*çardak*) — навесы или сторожки. Так или иначе охрана жила здесь постоянно, здесь были и их семьи, это было, так сказать, военное поселение.

Иерархически состав сторожевого отряда был точно установлен: начальник (*dizdar*), кетхуда (*kethuda*) — его помощник и управляющий делами; знаменосец (*alemdar*), чавуш (*çavuş*), одабаши (*odabaşı*)³ — начальник «отделения» и простые рядовые (*neferat, erler*). Содержание отряда также обрисовывается из документов. Когда в 1126 г. х. (1714 г. н. э.) набирается отряд для рудников в Камениграде, начальнику кладется 50 акча, кетхуде — 25 акча (кетхуда, повидимому, постоянно получал в два раза меньше начальника), знаменосцу, чавушу и 5 одабаши — по 20 акча, рядовым стражникам — 18 акча. Конники (у которых прибавляется еще забота о лошади)

¹ A. Refik, op. cit., p. IX.

² Bertrand de la Brocquière. Voyage d'outre mer. Mémoires de l'Institut National des sciences et arts. Sciences morales et politiques, t. V, p. 532.

³ Здесь термин употреблен, конечно, не в основном смысле «помощник начальника роты янычарского войска».

получают несколько больше: начальник конников, титулуемый «агой» (аға), — 60 акча, кетхуда, соответственно, — 30 акча, знаменосец — 25 акча, чавуш и 3 одабаши — 24 акча, конник простой — 22 акча. Содержание охраны (и это характерно для всей финансово-хозяйственной системы Турции) идет не непосредственно из казны; для этого выделяются разные сборы: напр. в Боснии, т. е. в пограничной области, «консульские сборы»; сборы с мяса, сдаваемые с откупа, и т. п.

Были еще на рудниках «забиты», так сказать, полицейские чины, наблюдавшие за порядком.

Однако происходили злоупотребления, обнаруживалась полная неосведомленность в Стамбуле о том, что происходило на окраинах государства. Государство отпускало большие средства на охрану пунктов, а между тем случалось, что большинство стражников отсутствовало на месте, да и не нужны они были вовсе, как сообщено было в 1126 г. х. (1714 г. н. э.) об охране укрепления Джисрикебир, находившегося, очевидно, в казе Камениград на австрийской границе.

ЧАСТНАЯ РАЗРАБОТКА РУДНИКОВ

Государство медленно осваивает недра земли, постепенно закрепляя за собой права, а пока что где-то вдали недра бесконтрольно используются; местные христиане испокон веку разрабатывали свинцовые рудники.¹ Но вот, правительство узнает об участке, представляющем для него ценность; тогда, объявляя себя законным хозяином, оно заключает сделку — признает за деньги право давнишнего пользования и уже отстраняется от вмешательства.

Вообще, руда принадлежала тому, кто ее нашел, но, по крайней мере, в XVIII в. пятая часть шла в казну.² Расхищались верхние слои земли: это была кустарная разработка рудника, удовлетворявшая мелкие потребности. Впрочем, для углубления в недра земли требовались технические и материальные средства, какие отсутствовали не только у частного владельца, но и у государства.

О тайных и явных хищениях прекрасно могло знать и правительство. Но, поскольку размах был незначителен, оно поощряло частную инициативу, во всяком случае не чинило больших препятствий; но отчасти, пожалуй, кое-что и открыто было от него.

Местные люди иногда на собственный страх и риск производили в течение некоторого времени разведочные раскопки, и потом правительство именно им и сдавало рудник. Так было в 1099 г. х. (1688 г. н. э.) в Кагызмане.

Опыт показывал, однако, недостаточность, безрезультатность единичных усилий, бедному крестьянскому люду эксплуатация была непосильна. Тогда рудник разрабатывался артелью; по крайней мере, из документа № 38 ясно, что производители продавали на сторону недельную добычу руды, чтобы потом, скопив деньги (100 пиастров), выплавить металл: расходы на горн были значительны, и артели приходилось всячески изворачиваться.

В одном из законоположений, изданных Ф. Спахо,³ описано образование компании для эксплуатации рудника. Опытные люди — очевидно, все христиане — собравшись устанавливают сперва крест, потом разбирают пай, кто один, кто два и больше, смотря по состоятельности. Общее число паев равно 64, и доходы распределяют сообразно вложенному капиталу. Компания, разрабатывавшая рудник, от себя уже платила и мастерам.

¹ М. Вронченко, цит. соч., ч. II, стр. 129.

² Mouradja D'Ohssoп. Tableau général... t. V, p. 24.

³ F. Spaho, op. cit., p. 139

Вообще, в Румелии, где социально-экономическая обстановка складывалась иначе, разработка на компанейских началах, как видно, практиковалась чаще и, будучи упорядочена, приняла закономерную форму.

Здесь нужен уже капитал, и для Румелии роль саррафа (банкира) закреплена законом 1536 г. Закон прямо указывает, что для эксплуатации рудников необходимо привлечение саррафов, обладающих капиталом. Они ссужали деньгами и эминов.

Саррафы были обычные спутники пашей, отправлявшихся в провинцию на кормление. Как пивавки, облепляли саррафы все, где только была надежда на наживу.

Когда разработку рудника брали на себя местные крестьяне, на рудники слетались саррафы, которые под ростовщические проценты ссужали деньгами, но большая доля заработка переходила потом в цепкие лапы саррафа.

Вообще, ростовщичество к концу XVI в. принимает резкие формы, саррафы внедряются всюду. «И если [на рудниках горы Ниф], как и на прочих рудниках, запишутся саррафы, — говорит кадий Манисы, — беднота будет страдать».

Люди богатые, состоятельные могли эксплуатировать рудники на земле, которая им принадлежала.

Как выясняется из указа от 1126 г. х. (1714 г. н. э.) кадию санджака Вельчтрина¹ и Абубекру бею (очевидно, какому-нибудь осведомителю), проживавшему в Требчэ, Ибрагим-паша эксплуатировал у себя руду до 1100 г. х. (1680 г. н. э.), но после его смерти шахты, очевидно, были заброшены (земля, может быть, вернулась к государству как выморочное имущество), и через четверть века поднимается вопрос о возобновлении работ. Старожилы показали, что Ибрагим-паша, владевший землей, отдал участок (изобиловавший серебром, свинцом и т. д.) «своему человечешку» (*âdemisi*) Байрам-аге, а тот, устроившись здесь, приставил надежного человека к шахте, нанял 10 строителей, оборудовал все и начал эксплуатировать. Очевидно, Ибрагим-паша у себя вел хозяйство так, как вело его государство; он предпочитал получить сразу доход, предоставляя мелкому арендатору — своего рода откупщику — эксплуатировать землю, как он хочет.

Из документа все-таки неясны права Ибрагима-паши на землю. Возможно, что это было «поместье» («маликяне»),² данное ему в пожизненное пользование (или: в продолжительную аренду); но возможно, что Ибрагим-паша, поскольку он жил недалеко от богатых рудников Кыратовы, решил произвести разведку и открыл у себя руду.

Во всяком случае, после смерти Ибрагима-паши, долго еще на земле, когда-то принадлежавшей ему, продолжались работы; кто был Измирли Мехмед, прокопавший 30 сажен, о которых говорили старожилы Вельчтрина и Требчэ, — тоже неизвестно.

Территория Кыратова на большом пространстве была рудоносна, а жители окрестных деревень, глядя на соседних помещиков, соблазнялись и тоже производили у себя раскопки. Конечно, это было подстать только богатым.

¹ Румелийского эялета; впоследствии Вельчтрин входил в состав вилайета Косово (Fr. Kraeplitz, op. cit., p. 78, not. 2).

² Термин «маликяне» (*مالكانه*) употреблялся в Турции уже давно: так, везирам из рода Джандарлы за заслуги перед государством предоставлены были безоговорочно в собственность земельные «владения» «маликяне». Потом маликяне (*malikâne*) введены были султаном Мустафой I в 1617 г. Они представляли удобства для казны; но фактически, поскольку это было бесконтрольное пользование, казна страдала, и они были упразднены султаном Ахмедом III в 1714 г. (J. Hammer, Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, I, Wien, 1815, p. 334; см. также: W. L. Wright, Ottoman Statescraft. London, 1935, p. 73 (по D'Ohsson'y)).

Так, некто Марко, серб-христианин, заложил в 1093 г. х. (1682 г. н. э.) в деревне Иржане казы Биласниче шахту; потом бурение продолжал сын его, Милош, и компания христиан; однако из-за трудностей, встреченных во время работ, они бросили шахту, и эксплуатация отошла к государству. Иногда слухи о руде были только предлогом; так, во второй половине XVI в. спахи донес, что под Дечанским монастырем (в старой Сербии) — золотая руда, и церковь поэтому нужно сломать.¹

Интересуясь рудниками, правительство все-таки действовало осторожно и скупо отпускало деньги.

В Стамбуле узнают в 978 г. х. (1570 г. н. э.), что на «кызылбашской», т. е. иранской, границе, в Карагюдене, объявилась сера, и во время кызылбашей, т. е. когда эти места принадлежали Ирану, там и добывалась сера. Немедленно бейлербей Вана получает запрос, как бы добыть серу из района Хакяри и на чьей земле находятся в Карагюдене месторождения серы. Как будто правительство, прежде чем приступить к эксплуатации, желает точно уяснить, есть ли у него права и не будет ли заявлена кем-либо претензия.

Изредка бывали случаи, когда правительство жаловало по берату большой рудник, как, напр., Сидрекапси около Салоник, в пользование (*malikâne tevcih ve berat itdirüb*). Может быть, рудник этот, как это было уже и раньше, вторично был заброшен, и правительство охотно отдалось от него, когда была предложена хорошая покупная сумма (55 тыс. пиастров): правительство смотрело на рудники глазами хищника. Конечно, во всякое время эта земля могла быть отнята. Условия работы на рудниках, созданные новым владельцем (Чавуш-заде Ахмедом-эфенди), были, очевидно, тяжелы: крестьяне-«райя», мастера, подали жалобу в Стамбул и просили восстановить прежний порядок, тот, какой действует на рудниках, — сдачу с откупа. Иногда же государство жаловало землю на вечные, так сказать, времена. Пожалование земли «на вечные времена» могло иметь место скорее на восточной окраине государства; там контроль был сложнее, и государство должно было учитывать старые местные порядки.

Указ № 61, от 1196 г. х. (1782 г. н. э.), кадию и мютеселлиму Керкука подтверждает привилегии, данные еще полтора века тому назад, в 1049 г. х. (1639 г. н. э.). Как бы то ни было, «пожалованный» (*ihsan olunub*) участок в течение этого долгого времени находился в «хозяйствовании и пользовании» (*tasarruf ve istifade*) в руках одной семьи, которая, открыв там месторождение нефти и эксплуатируя, очевидно, нефть, носила уже и фамильное прозвище «Нефчи-заде». Теперь родственники Нефчи-заде, «товарищество Нефчи-заде», закрепляют вторично за собой права на участок, границы которого очерчены в документе.

Общее количество документов невелико, а количество документов о частных рудниках и видах пользования, конечно, должно быть еще меньше: правительству, собственно, неинтересно, как там идет работа.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РУДНИКИ

Известия о новых рудниках всегда радовали правительство; оно действовало двояко: или переуступало разведку частному лицу — частному предпринимателю, «человеку опытному», как аттестует его всегда документ, или брало на себя предварительные расходы, чтобы определить доходность. На место посылался кто-нибудь из Стамбула для «извлечения руды» и приступал к подготовке, к предварительным мерам. Слово «мюбашерет» (*mübaşeret*) — приступ — употребляется как технический термин, обозначаю-

¹ См. рецензию П. Сырку на Ястребова, Журн. мин. нар. проsv., 1880 г. № 12, стр. 467.

щий начало работ на рудниках: «И пусть он не приступает к эксплуатации, пока не будут выручены деньги мои (затраченные на рудники)», — пишет в докладной записке кадий Манисы.

Документы говорят и о «любаширах». В персидском языке слово это заключает представление о хозяйственной деятельности; любашир — это управляющий именем.

Термин этот встречается уже в «Законнике» султана Сулеймана I. Обычно под любаширом (*mübaşir*), как объяснил уже Хаджи Хальфа, подразумевались комиссары, ведавшие сбором налогов.¹ Любашеры находились и в уездных городах и в деревнях. У них были обширные функции: на о. Ташозе, напр., они выясняют, что там за руда; посылку у любаширов всегда есть деньги, они платят также и за провоз железной руды из Самаковы в Стамбул. Они выдают на руки и «справки» крепостным солдатам о выполнении ими обязанностей по сопровождению караванов селитры: наличие документа избавляет человека от всяких подозрений. Когда из Вана доходят слухи о заниженном количестве селитры на заводах, об этом запрашиваются любашеры. Они, наконец, являются и посредниками между эмином и Стамбулом: через любашира эмин посылает в Стамбул руду. В Румелии этот термин иногда равнозначит термину «эмин».²

Наконец, так или иначе, доходность рудника установлена, и начинается эксплуатация.

Иногда эксплуатация, раз начавшаяся, потом обрывалась, рудник годами был заброшен; и так было не только на мелких рудниках, как, напр., на руднике Ардануч (пустовавшем между 1137—1142 г. х.), но и на значительных рудниках, как, напр., в Манисе (гора Ниф), где был устроен одно время и монетный двор. Очевидно, расчеты провалились: труд требовался большой, а деньги были дороги.

Организация рудников, находившихся в непосредственном ведении государства, «государственных рудников» (*maadini miriye*), была единообразна, хотя термины, употребляющиеся для обозначения тех лиц, которые находились во главе рудников, и различны.

По существу, это всегда была сдача с откупа (*mukataa* — *مقاطعه*). Откупная система — старый институт, он в Малую Азию зашел, по крайней мере, уже в XIII в., еще в эпоху Сельджукидов. От них заимствована она была, очевидно, и турками. Путешествовавший по Турции в 1553—1555 гг. Ганс Дерншвам хорошо уловил уродливые стороны хозяйственных порядков: «В Турции, — говорит он, — рудники есть в разных местах, в Болгарии и даже у Черного моря, но таких безобразий (*walpurger*), как там, не бывает [нигде]. Там такой обычай: когда государь узнает о каком-нибудь состоятельном человеке, он, между прочим, возлагает на него, чтобы он разрабатывал руду и отдавал ему все серебро, золото, медь, свинец, железо по своей цене. Так и мясники обязаны пригонять скот на убой, и после убоя все мясо взвешивается, и государь забирает все в свои руки, передает другим мясникам и перепродавщикам, которые должны платить деньги государю. И все делается в Турции по принуждению, из страха. . . Сами они не хотят работать, а ожидают готовенького, за них работают пленные».³

Иногда документы умалчивают о социально-общественном положении человека, который уполномочен для извлечения руды. Чаще привлекаются

¹ В. Смирнов, ук. соч., стр. 140, прим. 1.

² F. Spahn, op. cit., p. 140.

³ Hans Derenschwam's Tagebuch einer Reise nach Konstantinopel und Kleinasien (1553/55). . . herausgegeben und erläutert von Franz Babinger. München—Leipzig, 1923, pp. 147—148.

«для несения службы на рудниках» придворные чавуши, один раз придворный архитектор.

Поскольку «мастерские»-заводы на рудниках исполняют военные заказы (чеканка монет; добыча серы и селитры, железа, меди; изготовление ядер, и т. д.), поскольку рудники частью, так сказать, военизированы, государство охотно вверяет управление «заимам» — крупным помещикам, обладающим «зеаметом»: заим Вели (980 г. х.) в Кигы, заим Хасан (967 г. х.) в Биледжике.

В документе № 5, от 973 г. х. (1565 г. н. э.), упоминается Хасан, ныне назыр Биледжика, т. е. по социальному положению заим. Хасан занимал на рудниках административную должность «назыра» — наблюдателя (в документе № 5, вероятно, пропущено слово «maden»: *Bilecik madeni nazırı*), и передан документ кадию через «человека» — через посланца назыра. Возможно, что заимы привлекались к управлению рудниками и потому еще, что рудник находился на территории зеамета, который был ему дан; и тогда заим бывал посредником между правительством и беем того племени, которое кочевало на его земле, или беем мюселлимов — военнообязанных пехотинцев. Так, документ о явке мюселлимов Болу на селитренные заводы Кютахы и Сарухана¹ вручается в 984 г. х. заиму для передачи бею мюселлимов.

Термин «назыр» (ناظر) знаком уже мусульманскому праву;² теперь обязанности «назыра» перенесены с мечети на рудники. Так созданы были в провинции и «назареты».

Для XVI в. термин «назыр» в документах преобладает. В персидском языке арабское слово «назыр» употребляется в смысле мажордома, управляющего; у турок термин этот указывает, как будто, на большую зависимость от Стамбула, т. е. работа назыра регулировалась и контролировалась из Стамбула.

Как видно из закона 1536 г., назыр (надзиратель) находился в Румелии на рудниках, которые сдавались с откупа или эксплуатировались частными лицами.

Вообще же, назыры смотрели за государственным имуществом, и тогда им отдавались зеаметы, т. е. они становились заимами — крупными феодалами, или, вернее, обладание зеаметом выдвигало феодала на должность управляющего государственным имуществом.³

Назыры были всюду: и на рудниках, и на селитренных заводах, и на монетном дворе.

Однако термин «назыр» всплывает иногда и в XVIII в. Назыр в 1118 г. х. (1707 г. н. э.) появляется в Сидрекапси, но это, может быть, потому, что положение этого рудника часто было шатко и неопределенно: то рудник бездействует, то он превращается в «маликянэ», и т. д. А еще позже, в 1147 г. х. (1735 г. н. э.), во главе монетного двора тоже находится назыр, одновременно исполняющий обязанности и пробирщика (*sahibi ayar*).

Но вообще в XVII в. термин «назыр» отмирает; вместо назыров на рудниках появляются эмины. В документе времени султана Мурада III (1574—1595) выпукло раскрыто содержание термина «назыр»; кадий Манисы хода-

¹ Санджаки Болу, Кютахья, Сарухан входили в состав одного эялета — Анатолийского.

² Л. В. С. Фан ден Берг. Основные начала мусульманского права. СПб., 1882, стр. 31.

³ Ср. выражение «*ziamet tasarruf eden nazırı emval*» (A. R e f i k. On altıncı asırda Rafızîlik ve Bektaşîlik, № 10, 1559).

тайствует, чтобы, если рудники будут восстановлены, назыр монетного двора был назначен назыром рудников на правах (под видом) эманета (ber veçhi emanet). Таким образом, здесь оба термина — назыр и эмин — сливаются.

Термин «эманет» (emanet, emaneten)¹ широко употреблялся; должности вообще отдавались, так сказать, с откупа; так, напр., судейские чины «наибь» (заместители кадия) обязаны были предоставлять казне от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ доходов.²

Издавна титул «эмин» (امین множ. число: امنا ümema) — доверенный, облеченный доверием султана — давался на Востоке высшим сановникам; эмин-уд-доуле, эмин-уз-зарб (امین الدولة، امین الضرب) занимали в Иране высокие государственные, часто финансово-хозяйственные должности и накапливали большие богатства.³

Как видно из законов, опубликованных Ф. Спахо, для них был в Турции почетный титул: «гордость эминов» (فخر الامنا).⁴ В Боснии эмины были на рудниках, эмины были и над хассами (بوسنه معدنلرينه... خاصلرينه امین اولان).

В документах термин «эмин» впервые появляется под 980 г. х. (1573 г. н. э.).⁵ Эмин, берущий рудник с откупа, получает «благородный патент» (berati şerif). Это была, так сказать, усиленная пенсия — награда сановникам за услуги, оказанные государству; отдавая рудники эминам, государство хочет почтить или отличить верного слугу и практикует приемы, обычно применявшиеся им. На откупах цены могли быть занижены. Так, напр., Чавуш-задэ Ахмед-эфенди заплатил за рудники в Сидрекапси, переданные ему на правах маликяне, 55 тыс. пиастров; однако округа, желая избавиться от тирана, предложила сумму более высокую: обязавшись вернуть ему эту сумму, округа предлагает еще 11 тыс., так сказать, отступного, соглашается увеличить также и поставки рудой по казенной цене и т. д.

В круг обязанностей эмина на государственных рудниках входили: 1) общий надзор за рудниками, 2) составление отчета о работе, представлявшегося к ноурузу — к новому году гражданскому, 3) заключение с окрестными крестьянами соглашений на поставки на рудники.⁶ За все это эмин получал в свою пользу $\frac{1}{10}$ доходов с рудника.⁷

Государство предоставляет эминам большие льготы. Частные предприниматели тратят зачастую капитал попусту. Когда речь заходит о больших рудниках, о «настоящих больших откупах» (mücessem ve tuazzam tuka-taat), как, напр., о Гюмюшанэ, государство отпускает для оборудования, для закупки топлива, большие суммы, дает, так сказать под аванс, сбор «джизья» или другие налоги, взыскивая, впрочем, хорошие проценты (за 500 тыс. акча будет взято 100 тыс. акча, т. е. 20%).

С откупа сдается все — рудники, таможня, консульские сборы, сбор с убойного скота и, конечно, «ушюр» — десятина сельского урожая.⁸ Для государства откуп — средство облегчить себе заботы о содержании госу-

¹ W. L. W r i g h t, op. cit., p. 98, not. 16.

² J. H a m m e r, op. cit., I, p. 388.

³ Значение слова «эмин» многообразно, в мусульманской Испании это был начальник корпорации (G.-S. C o l i n e t E. L é v i - P r o v e n ç a l. Un manuel hispanique de hisba. Paris, 1931, p. 13). Потом термин «эмин» снизошел до значения «помощник», так, напр., были судейские помощники; в распоряжении дефтердаров также находились «эмины» (собиравшие налоги).

⁴ F. S p a h o, op. cit., p. 136.

⁵ См. документ № 25.

⁶ F. S p a h o, op. cit., p. 136.

⁷ Там же, стр. 145.

⁸ И даже земля. См.: В. С м и р н о в, ук. соч., стр. 121: «До 1584 г. села и пахотные поля были в руках мужей сабли и сынов очага, а чужие и всякая сволочь не имели к ним доступа» (перевод из трактата Кочибея).

дарственного аппарата, о жаловании воинским частям. В документе на имя эмина таможи Эрзурума, от 1142 г. х. (1780 г. н. э.), изображена яркая картина финансовых махинаций правительства. На восточной границе, в крепости Ахылкелек (в эялете Чилдыр), стоит отряд, и правительство уступает ему рудник Ардануч. Год-два рудник эксплуатировался Эрзурумской таможей, но, очевидно, таможня отказалась от этой малоодоходной, может быть, даже невыгодной, статьи (у начальника таможи и так были хорошие доходы от досмотра караванов, шедших из Трапезунта в Иран), в течение 6 лет рудник пустовал. Тогда правительство, спохватившись, вспомнило о «бесхозяйном» руднике (тшауен мали олтиуб) и великодушно отдало его отряду, вычитывая из содержания, которое оно должно платить, сумму, получающуюся раньше за рудник с таможи. Так, заброшенный рудник поневоле будет восстановлен, в противном случае солдатское жалование срезано.

Поскольку на рудники Гюмюшанэ было постоянно устремлено внимание правительства, сюда назначались, вероятно, важные сановники, и было бы интересно раскрыть их формуляры. Априорное предположение о социальном лице откупщиков подтверждается и скудными указаниями документов; на рудники зарились служащие «высочайшего дворца»: капуджибаши, чавуши и т. д. и, конечно, сипахи;¹ все они, окруженные челядью, охотно ехали на рудники и наживались. В документах упоминание об их имени сопровождается «украшающими эпитетами» — арабскими благопожеланиями: «да продлится, да увеличится его слава» (زيد، دام مجده) или «образец для великих и для аянов» (قدوة الامجاد والاعيان).

Иногда население рудника выдвигало кандидатуру, подсказанную, быть может, соперником. Когда от гнета и притеснений нового хозяина Сидракапси как «райе», так и мастерам не стало житья, они указали на дворцового силахшора.

Как ни почетно и выгодно было положение эмина, велика была и ответственность, и, чтобы разгрузить себя, эмин подбирает помощников: в 1153 г. х. (1740 г. н. э.) на рудниках Эргани был заместитель («векиль») Номан; иногда рудники сдавались эмину и «прочим его товарищам» (Насі Çavuş ve baki şerikleri), и это зарегистрировано документом уже в 981 г. х., т. е. в конце XVI в.²

Первоначально срок откупа был короткий — рабочий сезон, год; однако кратковременное пребывание было непроизводительным, и сроки удлинялись до 3—6, даже до 10 лет.³ Здесь, правда, заключалось другое неудобство: эмин-кадий (загруженный административными делами в казе) запускал дело — рудники у него разваливались. Но обыкновенно, долго находясь на рудниках, эмин приобретал большой опыт, из него вырабатывался хороший хозяйственник, и тогда правительство могло использовать его на вновь открывающихся рудниках; так, эмин Гюмюшанэ, Садулла, в 1147 г. х. (1734 г. н. э.) был переброшен на рудники Ахсендерэ, где обнаружено было серебро.

¹ Так, на серебряных рудниках Инегёля в 1029 г. х. (1620 г. н. э.) был сипахи (см. ниже стр. 157).

² См. документ № 29.

³ Проставляя дату религиозного, мусульманского, летосчисления, документ, однако, должен учитывать бытовую уклад. А жизнь ломала церковный календарь: культурные традиции были глубже, и правительство продолжает делить год на две половины; так, охрана на рудниках начинается на 6 месяцев — от дня Хызра (23 апреля ст. стиля) и до дня Касыма (26 октября ст. стиля); откуп также сдается с марта, так сказать, с весны — со дня «норуза». В фирманах Рагузской республики встречается и месяц ноябрь (Fr. Krae elitz, op. cit., p. 82, not. 3).

Работа на рудниках шла по плану, утвержденному правительством: годовая поставка руды, селитры, количество ядер, их размер — все было определено; но, когда менялась обстановка, — а чаще всего это происходило, очевидно, во время войны, — менялись и условия: и эмин, чекавивший сначала на рудниках монету, посылал в Стамбул медь, так как «в меди встретила нужда у воевод».

Во время откупа устанавливалась цена, по которой эмин обязывался сдавать государству руду, это была «казенная цена» (*mirî fiat*).¹

Выполнив наряд, эмин, очевидно, излишки (всю руду, что сумел добыть из земли сверх плана) продавал на сторону уже по вольной цене; здесь он извлекал для себя большие выгоды.

Небольшие рудники давно уже передавались для эксплуатации кадиям, и между ними шла из-за рудников грызня: они хотели, конечно, на рудниках нажиться. Так, один указ на имя инспектора селитры ограничивает сферу эксплуатации кадия Сиса и Мирзы Чавуша, претендовавших еще на селитру в санджаке Малатья. В Акдаге производство селитры взято кадием и каким-то, должно быть, шустрым человеком, Али Чавушем, и вот указ от 976 г. х. (1568 г. н. э.) требует, чтобы в Стамбул посылалась очищенная селитра, убытки же должны были быть возложены на кадия и на чавуша. У эмина на селитренных заводах Вана в компаньонах состояли (в 1581 г.) кадий Шемендана и мюдеррис, желавшие получить для себя казы Битлис и Ван. Это уже были торгаши, да и эмин недалеко ушел от них: он выговорил для себя звание «аги азабов Вана». Кадий Сидрекапси, будучи назначен сюда, взял на себя восстановление рудников, но отнесся к этому небрежно, и правительство, обеспокоенное, шлет (в 987 г. х.) запрос.

На кадия, в округе которого находился рудник, законом 1536 г. возлагались большие обязанности: он также являлся назыром — надзирающим за рудником: он должен был знать количество рабочей силы на рудниках и распределять ее по рудникам, вызывать желающих взять на себя пустующие рудники, словом, на нем лежала ответственность за рудники; он посылал отчеты, контролировал отчеты трехгодичные (очевидно, за срок аренды); тех, за кем была задолженность, под конвоем отправлял в Стамбул.

Кадий, эмины, кятибы обязаны были еженедельно обходить шахты и следить за ходом работ: они отвечали за всякий ущерб, который обнаружится. Кадий и эмин взаимно друг друга контролировали и доносили друг на друга; им принадлежало и право смены кятибов. Учетно-канцелярская часть на рудниках лежала на «мухаррирах» и «кятибах» — на писцах и секретарях, подчиненных управлению рудника, часто кадию; они присутствовали и во время плавки серебра. Кятибы на рудниках так и назывались «секретарями при рудниках» (*maden kâtipleri*), но были еще, так сказать, секретари в пробирной палате (*çaşni kâtibi*)² и др.³

Были еще регистраторы (*muharrir*) из кятибов дивана, специально посылавшиеся из Стамбула. Так, на имя мухаррира ливы Килис адресован в 979 г. х. указ; в Новоберде Эвлия-Челеби застал секретарем местного жителя — поэта Зухури-эфенди, автора произведения «Благородные свойства пророка» (*Hilyei şerif*).⁴

¹ См. документ № 60.

² F. S p a h o, op. cit., p. 146.

³ Roşt kâtibi.

⁴ A. R e f i k, op. cit., p. VII; в словаре Сами-бея отсутствует.

Были и «амили» (عامل),¹ правители округов в халифате, — в Турции это были управляющие, административные чины (сборщики налогов), были они и на монетном дворе (darbhane amilleri).²

Надежды, возлагающиеся государством на эминов, рушатся. Старая система претерпевает кризис; эмину-сановнику трудно нести бремя управления. Первые признаки провала обнаруживаются уже в конце XVI в., когда эмин усомнился в значении единоличной силы. Для дела нужны практики, быть может, наблюдавшие рудники и работавшие на рудниках. Так, навстречу идет новая социальная сила — откупщики не из служилого сословия, не сановники, а купец, человек, у которого есть и капитал, есть деньги для внесения за рудник, снимаемый с откупа. Государство уже не благотворит, а торгуется, запрашивает, хочет получить на откупах наивысшую сумму. На новые рудники Аксендерэ в Албистане в 1146 г. х. (1733 г. н. э.) назначается местный житель. Эмина на рудниках сменяет «мюльтезим».

Между эмином и мюльтезимом большая разница, показывающая социальные изменения, происшедшие в Турции. Между тем как эмин был облечен доверием правительства (это был, очевидно, человек, принадлежащий к правящим кругам), мюльтезим принимал на себя обязательства, к нему предъявляются требования, вытекающие из обязательства; это уже новые люди, располагающие капиталом, коммерсанты.

В документах термины «мюльтезим» (откупщик), «ильтизам» (откуп) встречаются спорадически уже в XVI в. Термин «ильтизам» упоминается, кажется, впервые в указе на имя румелийского бейлербея от 937 г. х. (1530 г. н. э.).³ Слово «мюльтезим» обозначало сначала человека, взявшего на себя вообще какое-нибудь обязательство, подряд, ремонт. Так, ишыки Сейдигази берутся в 1572 г. отремонтировать «ханаку» Сейид-Баттал-Гази.⁴

Однако капитал сосредоточен теперь скорее у христиан (греков и армян). Теперь и христиане пробуют силы, пытаясь эксплуатировать рудники; теперь они поднакопили и деньги. Сначала правительство смотрит на них недоверчиво; когда армянин Киркор, мастер-рудокоп (madenci), предлагает в 1112 г. х. (1700 г. н. э.) взять с откупа рудники Сидрекапси, пришедшие в запустение, правительство запрашивает мухафыза (коменданта) Салоник о состоянии рудников.

В документах только этот случай нашел отражение, но натиск не-мусульман усиливается, и уже в XVII в. турецкие публицисты горестно увидят здесь причину упадка Османской империи.⁵

А вскоре это превратилось в повсеместное явление. А. Мордтманн-старший заносит в дневник строки о старом руднике Кюрэ (Кюреи Мамуре), снятом армянином, который обязался давать государству 36 тыс. ок меди в год по 13 пиастров, а все, что добыто будет сверх этого, он имеет право продавать кому хочет и за сколько хочет. Но так как он желает получать за оку 60 пиастров, то медники Кастамону закупают медь в Стамбуле от европейцев.⁶

¹ F. S p r a h o, op. cit., p. 164.

² Ibid., p. 146.

³ J. H a m m e r, op. cit., I, p. 355; см. также: A. R e f i k, док. № 17 от 979 г. х. (1571 г. н. э.).

⁴ A. R e f i k. On altıncı asırda Rafızlık ve Bektaşlık. № 42. Термин употреблялся часто потом для обозначения человека, бравшего с откупа сбор десятины («ашар»).

⁵ В. С м и р н о в, ук. соч., стр. 173, 259, 263.

⁶ A. D. M o r d t m a n n. Anatolien, Skizzen und Reisebriefe aus Kleinasien. Eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von Franz Babinger. Hannover, 1925, p. 401.

КАТЕГОРИИ РАБОЧИХ НА РУДНИКАХ

Наверху идет бесконечная борьба, интриги; кадии, назыры, эмины, откупщики, поставленные над рудниками, заботятся только о наживе; они хотят с лихвой вернуть деньги, затраченные на откуп. А там, на рудниках, в поте лица трудится бедный люд, придавленный нуждой, замученный барщиной.

Кто же эти бедные турки — «мехмедушки», эксплуатируемые на рудниках?

Естественно, тяготы падают прежде всего на окрестные деревни; жители этих деревень приписаны к рудникам. Так, сразу возникал конфликт между властью и помещиками, терявшими право на труд этих крестьян — на своих, так сказать, крепостных. Для рудников нужны были рабочие, и их состав часто обновлялся: тяжелые условия работы быстро выводили человека из строя; но нужны были работники и для сельского хозяйства — основного источника экономической жизни страны.

Поскольку земледelec снимался с земли и переходил на рудник, он освобождался от повинностей и налогов, лежавших на крестьянах. О рудниках Гюмюшанэ Эвлия-Челеби решительно говорит, что все население освобождено от повинностей¹ и обязано работать на серебряных рудниках.

Однако от беспорядочного перехода на рудники страдали интересы помещика, страдало земледелие; и правительство издавало указы, запрещавшие самовольной уход на рудники. Заинтересованное, с одной стороны, рудниками, оно, с другой стороны, зорко следило, чтобы сохранялось и поддерживалось основное исконное занятие или сословие, в котором человек родился, будь то юрук-кочевник или крестьянин-земледelec. Юрук-рудокоп (küreci) все же остается юркуком, категорически заявляет указ.²

Айни Али Мюзезин-заде напоминает, что султан Сулейман I, как ни заботился о процветании столицы, не допускал, чтобы райя — старые турецкие подданные — бросали пахоту и селились в Стамбуле, хотя после завоевания Белграда (1521 г.) ремесленники-христиане, согласно традиционному обычаю, были водворены в квартале Еди-кулэ.³

Изредка, однако, правительство санкционировало перемену профессии лиц, перешедших на рудники, при условии пополнения убыли.⁴

На крестьянина, сидящего на земле или работающего на рудниках, правительство смотрит одинаково — для тех и других у него общее наименование: «бедная райя» (geaya fukarasi), но в понятие «бедный» отнюдь не вносит оно сожаление или жалость, это просто констатация: противоположение «бедняка», неимущего — земельной аристократии, у которой есть недвижимость.

На рудники привлекалось и свободное турецкое население, обязанное во время войны нести службу: «пиядэ» или «яя» (пехотинцы); «мюселлимы», освобожденные от повинностей (они на войне могли быть возчиками и т. п.), находились, так сказать, в нестроевых ротах. Поскольку организация пиядэ или яя и мюселлимов напоминает организацию юркуков, естественно предположение, что это было полуоседлое население; во всяком случае, и в мирное время у них были полукочевые полувоенные начальники: беи, алайбеи, яябаши и т. д.

¹ A. Refik, op. cit., p. VIII: «Cümle halkı tekâliften muaf ve müsellem olub. . .».

² A. Refik. Anadolu'da türk aşiretleri, № 112.

³ А у п и - А л и. Kavanini Ali Osman, p. 127.

⁴ См. документ № 8; речь идет о прасолах-христианах в Шехиркёе.

Впоследствии, т. е., очевидно, по мере того как они оседали, они перечислялись в райя,¹ и этот процесс завершился к началу XVII в.; впрочем, институт «мюселлимов», как пишет Мольтке, сохранялся еще в XIX в.

Правительство распределяет их по рудникам, находящимся в эялете; так, к рудникам Биледжика приписаны пиядэ, находящиеся в Хамидели.

Однако от работы на рудниках они уклонялись. Так, мюселлимы Болу отказываются итти в Биледжик; правительство тешит себя, что это наибы их подстрекают; но, становясь на эту точку зрения, оно признает разложение государственного аппарата.

На обязанности беев пиядэ (или яя) лежит поставить «очередных» (nöbetlü): сотни людей, а потом и сторожить их на рудниках. А очередные всячески упирались; так, напр., из 313 человек на рудниках в Биледжике оказалось всего 70 человек. Оно и понятно: был месяц рамазан 973 г., т. е. весна 1566 г. н. э., когда кочевнические инстинкты, замершие за зиму, вновь оживают. Однако всякая заминка влекла снижение добычи. В Биледжике в 973 г. х. (1566 г. н. э.) заложено было 67 шахт; но, когда явилась всего одна пятая часть наряда, — около половины шахт (30 из 67) бездействовали, потому что некому было работать. У правительства только одно средство: оно хочет воздействовать и на кадия и на бея угрозами, прекрасно понимая, что, если оно спустит одному, другие безусловно последуют заразительному примеру, и рудники замрут.

На работы на рудниках сгоняются и кочевники-юрюки. И здесь (насмешка истории) потомки завоевателей Малой Азии теперь, утратив привилегии, сравнены с прочим деревенским населением.

Юрюки в XVI в. сохраняют еще родовую организацию, у них есть бей, субаши, яябаши — начальники племен — и т. д., и к ним-то обращается правительство, когда ему нужны на рудниках люди.

Вольный кочевник, юрюк, конечно, неохотно откликнулся на призыв правительства. А для правительства кочевники представляли большие материальные выгоды; оно снимало с себя заботы о прокормлении их на рудниках; «согласно исконным обычаям и законам», юрюки идут на рудники, захватив шестимесячное продовольствие. Это, так сказать, сезонные рабочие: «очередной» юрюк в течение летнего периода уходит не на яйлу, а на рудники, чтобы потом, почувствовав приближение зимы, спуститься на юг к морю, к теплу.

Иногда, однако, юрюкам тяжело выдержать срок, и они задолго до наступления дня Касыма бросают рудники: чтобы проверить, отбыл ли человек повинность или нет, управление рудниками выдает «отпускное свидетельство» (icazet tezkeresi).

Юрюки были пригодны для копания земли, для прокладки шахт. Это была основная рабочая сила, отличавшаяся, однако, текучестью и нуждавшаяся в постоянном пополнении.

Отдельную группу на рудниках составляют отставные сипахи или дети сипахи (sipahizade). Сипахи, свободные землевладельцы, конечно, от работы на рудниках освобождались; у них был клочок земли, и не крохотный, и они сидели на нем, неся только военную службу, но их детям, потомкам или отставным сипахи, приходилось тяжело.

Как видно из декретов, подтверждающих права «сыновей сипахи» (sipahi oğlanları) на тимары — на участки, которыми владели их отцы, фактически их положение было все-таки незавидно.² Когда малолетние дети,

¹ А у н и А л и, *op. cit.*, p. 45.

² J. H a m m e r, *op. cit.*, I, p. 360 sq.

сыновья сипахи, упускали сроки для введения в наследование, их перечисляли в сословие трудящихся (Erwerbsleute).¹

Отставные сипахи, достигнув предельного возраста, освобождались от военной службы, а жить было нужно. Отставным сипахи велся и отдельный список, они были, очевидно, на учете.

В казах, там, где они были записаны, власти старались приравнять их к крестьянам; но, и после того как они уже были оторваны от земли и уходили на рудники, власти норовили брать с них подати, как с крестьян; с них требовали «крестьянский налог» (raiyet güsümü). С другой стороны, правительство полагает, что их нужно использовать на рудниках, и оно шлет указ кадию Ларендэ о приводе отставных сипахи и детей сипахи на селитренные заводы. Они работали и на селитренных заводах Ичиля.² Но это были пока, конечно, единичные случаи, говорившие все-таки о намечающейся тенденции правительства урезать права сипахи.

О духовенстве, о дервишах документы молчат. Они освобождены были от несения какой бы то ни было службы на рудниках, и это естественно в государстве, где религия поддерживала классовый строй, оберегавший ее интересы. Только в XX в. сперва младотурецкая революция открыла поход против несправедливых привилегий духовного сословия, и подраставшие кадры духовенства, «талебэ», сидевшие в медресэ десятки лет, были, наконец, удалены оттуда; некоторые из этих здоровенных парней были взяты на военную службу, а способные направлены в светские школы. Кемалисты же, сделав второй шаг, закрыли (в 1925 г.) и теккэ, и дервишеские организации, и ордена.

Работали на рудниках, конечно, как мусульмане, так и христиане: христиан (греков и армян) было больше, чем мусульман (турок); командные, начальнические посты занимали мусульмане. Христиане, естественно, были на рудниках там, где добыча руды происходила издавна, со времен «неверных». Число рабочих-христиан было велико в Румелии, как об этом ясно говорят законы, изданные Ф. Спахо; и в Анатолии по той же причине работа на рудниках останавливалась в воскресные дни.³

КРЕПОСТНЫЕ РАБОЧИЕ. МАСТЕРА И ЧЕРНОРАБОЧИЕ

Из разношерстной по социально-сословным и религиозно-национальным признакам массы формировались на рудниках крепостные рабочие. Это были люди, оторванные от земли, неспособные, как говорит указ, ни на что иное, как только на работу на рудниках: и если им нужно было возвести какую-нибудь постройку в городе или в деревне, они обращались на сторону. Всю жизнь проводили они на рудниках и народили детей, которые оставались на рудниках и работали на месте отцов. В указе от 982 г. х. (1574 г. н. э.), запрещающем принимать на рудники тех, кто занят на государственных пастбищах, прямо говорится о «мастерах — детях мастеров» рудокопов (küreci oğlu küreciler), как о подлинном контингенте рудников, как о тех, кто может работать на рудниках. И эта преemptивность стимулировалась цехами. А поскольку были цехи, дифференцировались и профессии: на рудниках были и на рудники постоянно требовались специалисты одного какого-нибудь ремесла. Для рудников нужны были, конечно, мастера-рудокопы (madenci), но также и угольщики, и кузнецы, «промывщики» руды (sevher yaucası), чистильщики (kağı), плотники и т. д.

¹ J. Hammer, op. cit., p. 354.

² См. документ № 18 и сл. (от 979 г. х.?).

³ A. Mordtmann, op. cit., p. 520.

На рудниках Румелии они носили часто иностранные — немецкие — названия; так, в законах, изданных Ф. Спахо,¹ употребляется, напр., термин «шафар».

Среди мастеров были большие искусники. Эвлия-Челеби, побывавший в XVII в. на железных рудниках в Самакове, восторженно описывает кузнецов, выковывавших железные прутья. Опытные мастера-рудокопы высоко ценились и перебрасывались часто на новые рудники, но делалось это безобразно; в Ширване обнаружено серебро, распоряжение о посылке мастеров направлено беям Кафы (Феодосии) и Азова; мало того, оповещены были циркулярно, для принятия соответствующих мер, кадии, находящиеся на пространстве от Софии (в Болгарии) до Феодосии (в Крыму).

Мастерам противопоставляется, как будто, райя (ahali ve reaya ve madenciyan — жители, райя и рудокопы),² т. е. простые крепостные рабочие, приписанные к рудникам, так сказать, чернорабочие (irgat, как они называются обыкновенно в документах). Мастер-рудокоп дает указание, где и как копать, а тот уже копает. Батраков брали на тяжелую работу, на копание шахт, но часто они были непривычны к труду под землей. Пробыв под землей два часа, они уже вылезали наружу и отдыхали, и так могли они работать всего 20 дней, а кто был посильнее — максимум 30 дней.

Бытовые условия жизни на рудниках документами освещаются слабо. Рабочим причиталась, конечно, плата. В Румелии государство предоставляло эмину право наказывать тех, кто не шел на работу, однако крестьяне и тимаров и хассов уклонялись от работы. Понимая истинные причины уклонений, оно старалось защищать право рабочих на плату. И когда это было в интересах государства, напоминало, чтобы бесплатно не заставляли никого работать на рудниках; но иногда, как это было, напр., на о. Ташозе, чтобы сорвать задание правительства, администрация задерживает выплату денег. Казенные ставки, однако, были низки и плохо удовлетворяли жизненные потребности.

Из одного документа³ видно, что на работах в Требче за рытье шахт в 1126 г. х. (1714 г. н. э.) батракам давали в неделю деньгами 1 пиастр и на довольствие ежедневно 2 акча; там же рабочие, ставившие сруб, получали 300 акча за сажень, 50 ок муки в месяц и еще еженедельно 2 ока вина, т. е. плата была комбинированная — деньгами и натурой. А когда рабочие натыкались на глубоком залегании (90 саж.) на руду, плата поднималась; с каждых 360 ок руды (kıl) деньгами шло 400 акча и вина 6 ок.

Вино (питье которого запрещено исламом) определенно говорит о составе рабочих — наличии христиан на руднике у Ибрагима-паши; в западно-европейских цехах в средние века обычно практиковалась выдача вина.

Один раз документ, рисуя картину запустения на рудниках Инегёля, вскользь упоминает о жилье рабочих. Мастера, осмотрев строения рудника, определили сумму, потребную для ремонта; между прочим, у дома, известного под именем «башни» (kule), построенного «для жилья рабочих на руднике», обвалилась крыша, и он был негоден для обитания. Слово «башня» наводит на предположение, что это было здание, предназначенное для преступников, заключавшихся в тюрьму и за которыми

¹ F. S p a h o , op. cit., pp. 145—146.

² См. документ № 60.

³ См. документ № 47.

следили, чтобы они не убежали с рудников. Ганс Дерншвам, объехавший район Биледжик — Караджашехир, недалеко от Инегёля, замечает в дневнике: «У них нет домов, а пещеры, в которых они укрываются от непогоды, и ничего там нет у них».

А работа на рудниках была тяжелая, изнурительная. Понятно, что батраки, бравшиеся со стороны, отказывались от работы на рудниках; их нередко силой приводили обратно. Применялся на рудниках и детский труд; мальчики вытаскивали руду наверх — на поверхность земли.

Почва в Турции была рудоносная. В горе Ниф, на небольшой глубине залегания (всего 2 саж.), на каждые 5 тыс. диргемов земли выходило 100 диргемов свинца, из них 3 диргема серебра. «А может быть, при плавке обнаружилось бы и золото», — писал кадий Манисы (он, пожалуй, преувеличивал, иначе непонятно, почему богатый рудник был заброшен). В Требче (Кыратова), наоборот, глубина шахты доходила до 90 саж.; с 360 ок руды добывалось 100 диргемов серебра, 2 оки свинца, 40 ок литарга.

Из документов устанавливается два способа извлечения руды: или это была «колодезная система» (*maden kuyucları*), или шахта шла в виде подземного хода, конечно, под уклоном, т. е. шахта представляла пещеру (*mağara*). Еще употребляется термин «очаг» (*osak*) — копь, залежи и даже селитренные «копи» (*güverçile osakları*).¹

Во втором законе,² между прочим, дано тщательное описание всех процессов работы, от устройства «колодца» (шахты) до чеканки монет.

Техническое оборудование было, конечно, примитивно.³ Вот как описывает Мольтке знаменитые медноплавильные мастерские Токата, сохранившие славу от старого времени: «Два ряда маленьких печей вроде пекарен, под деревянным навесом, воздуходувные мехи, надуваемые людьми, и запасы древесного угля — вот весь аппарат».

Отрицательное впечатление было зафиксировано также М. А. Гамазовым, сопровождавшим Е. И. Чирикова, русского комиссара по турецко-персидскому разграничению 1849—1852 гг., который занес в свой дневник следующие строки: «Русские осмотрели в Токате жалкий плавильный завод, где ежегодно, по словам мастера, может быть очищено до 10 250 пуд. меди».⁴

Во время работ вода часто заливала шахту, и нужно было откачивать ее насосами. Копая на большой глубине (до 90 саж.), рабочие устраивали деревянные срубы — «стволы», чтобы удержать землю от обвала. Для очистки руды от примеси и посторонних веществ имелись особые сооружения, именовавшиеся «долабами», как и те приборы, которые действовали на ирригационных системах — «водяные колеса», машины, приводимые в движение водой. Полковник Энегольм, посетивший во время русско-турецкой войны 1829 г. железный завод в Самакове, так описал добывание руды: «Хозяйственно сберегаемые водотоки проводятся по многим желобам: скопление массы воды постепенно подмывает часть гор, которые,

¹ Р. Мудеризович (в первой половине своей статьи) дает описание боснийских рудников, их эксплуатацию, размер добычи, приводя терминологический словарь техники горного дела; вторая половина статьи посвящена XIX в. — времени перед австрийской оккупацией.

² F. S p r a h o, *op. cit.*, pp. 141—145.

³ Д. Н. Лев. К истории горного дела. Л., 1934 (описаны древние орудия производства и процессы обработки медной руды; в примечаниях указана литература, русская и иностранная).

⁴ Путевой журнал Е. И. Чирикова. Зап. Кавк. отд. Русск.³ геогр. общ., кн. IX, 1875, стр. XXVII; еще раньше писал об этом М. А. Гамазов в журнале «Время» (1861, т. IV, стр. 342).

обрушиваясь, без особого труда дают руду, очищенную от земли той же водой».¹

Описание средств труда, «показатели тех общественных отношений, при которых совершается труд», как определил Маркс, представляло бы, конечно, величайший интерес: оно установило бы до-турецкие традиции, господствовавшие в Малой Азии.²

ЗАВОДЫ И МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ

Руда, добытая из земли, отчасти посылалась в Стамбул, отчасти оставалась на месте. И в Стамбуле и в провинции на рудниках были понастроены мастерские-заводы (*kârhanе*).³ Конечно, и плавильные печи находились обычно около шахт.⁴ Руда очищалась, отделялись примеси; изготовлялись, по специальному заказу, ядра, порох (с заводов рассылавшиеся по городам и крепостям), и т. д. Желая поднять на рудниках производство, правительство облегчало условия для доставки металла: так, «Законник» султана Сулеймана I освобождал от пошлин железо, шедшее на рудники.

Большой, очевидно, завод был в Кяят-ханэ (в Стамбуле). Это место было выделено и давно приспособлено под заводы и фабрики, и хотя имя («бумажный дом») встречается в документах уже конца XVII в., бумажная фабрика построена была только в XVIII в.⁵ Там были и военные заводы (1107 г. х. = 1695 г. н. э.); из провинции доставлялась сюда селитра, и стало быть, приготавлился порох, здесь отливались и ядра. Это, конечно, — единственный случай, когда военный завод отрывается, так сказать, от сырьевой базы — от железной руды. Это происходило, вероятно, потому, что в Стамбуле были сосредоточены наилучшие мастера.

Большие военные заводы были сосредоточены и на рудниках Биледжика, и ряд документов за 967 и 973 гг. х. говорит о большом внимании правительства к Биледжику.

Государство всегда интересовалось ходом работ на рудниках и на заводах, особенно когда речь шла о селитре, обо всем том, что нужно для войны. На рудники посылаются запросы, сколько шахт действует; как идет добыча руды; как выполняется заказ на ядра, количество их и размер. В 973 г. х. (1565 г. н. э.) заводы Биледжика должны поставлять ядра, весом отнюдь не менее 11 ок каждое, а в 1107 г. х. (1695 г. н. э.) на заводах Кигы изготовлены ядра от 3 до 9 ок: очевидно, и обстановка меняется, меняется и назначение ядер. Контроль был тем более необходим, что администрация заводов иногда забывала о плане; так, напр., заказ заводу Кигы в течение семи лет не исполнялся.

Часто упоминают документы о монетных дворах в провинции; они раскиданы всюду — и в Анатолии и в Румелии.⁶

Впервые монета (акча) чеканится при султানে Орхане (1326—1359).⁷ О чеканке монет заботился султан Сулейман I; в конце XVI в. были открыты монетные дворы в Новоберде, Ускубе и в других местах, как говорит указ от 972 г. х. (1564 г. н. э.).

¹ Записка о городах забалканских, СПб., 1830, стр. 119—120.

² На стр. 52 дано описание закладки — прокладки шахты.

³ В документах упоминаются казенные государственные заводы (*mirî kârhanе*); но, вероятно, были и частные заводы.

⁴ A. D. Mordtmann, *op. cit.*, p. 322.

⁵ Fr. Babinger. *Das Archiv des Bosniaken Osman Pasha*. Berlin, 1931, p. 26.

⁶ Чеканка монет происходила также в Африке — в Алжире и в Тунисе; см. о чеканке также: Mouradja D'Ohsson, *Tableau*, VII, pp. 251—254.

⁷ Belin, *op. cit.*, p. 423 : в 729 г. х. (1329 г. н. э.).

Снаряжение для монетных дворов — инструментаж для чеканки монет — шлет Стамбул.¹ Здесь, быть может, раскрылись бы следы западноевропейской техники, давно, вероятно, проникшей на монетные дворы Боснии.

Монета, чеканившаяся в Анатолии, была часто низкопробна; по крайней мере, кадий Манисы, возбуждая вопрос о возобновлении работ на рудниках горы Ниф, говорит, что «так как монета в Анатолии была ущербленная,² то по благородному указу в Манисе был создан монетный двор». В 1147 г. х. (1734 г. н. э.) монетный двор открыт и на рудниках Кебана; там чеканятся «новые полупиастровые монеты» (*cedidguruş nisfiyesi*), и проба для них установлена та, что и в Стамбуле.

Временами, когда усиленно требовался металл (очевидно, для военных целей), чеканка монеты прекращалась, как об этом явствует из указа от 1107 г. х. (1625 г. н. э.) кадию Гюмюшанэ.

Однако, поскольку техника на монетных дворах была еще примитивна, нередко тут же рядом, на глазах властей, обращалась фальшивая монета. Видимо, чеканка фальшивых (низкопробных) монет, обнаруженная в Новоберде в 972 г. х. (1564 г. н. э.), произвела большой переполох и среди рабочих монетного двора и среди «аянов» местных: они явились в суд и просили снять с них несправедливые подозрения. Фальшивомонетчики, укрывшись, орудовали в горах и ущельях. Правительство производило повальные обыски, и, очевидно, чтобы как-нибудь закончить затянувшееся расследование, агенты подбрасывали в дома ни в чем неповинных людей фальшивые деньги и инструменты.

Иногда у начальства монетных дворов, действительно, было «рыльце в пушку». На монетном дворе в Белграде в 972 г. х. (1564 г. н. э.) выпущены были низкопробные акча; и начальник монетного двора, виновный в краже металла, бежавший было, был разыскан; указ велит заковать его и отослать в Стамбул.

Точно зараза пронеслась над монетными дворами Румелии в 972 г. х.: и в Новоберде и в Белграде была обнаружена фальшивая монета.

Злоупотребления повторялись и позже: через 15 лет после этого, в 987 г. х., эмины, действуя заодно с мябаширами, ухитрились выплавить в Новоберде денег на 40 — 50 тыс. диргемов, тогда как норма была 12 тыс. диргемов.³

Не вся, однако, добытая руда поступает на заводы. Излишки руды, сверх обусловленного количества, принадлежат, собственно, руднику. Поскольку государство давало за руду низкую цену, рудники и откупщик и отдельные рабочие охотно продавали руду на сторону. Это было их право, и правительство шло на уступки, чтобы удержать рабочих от бегства с богатых доходных рудников, как, напр., Гюмюшанэ; но, когда ощущалась острая нужда в металле, льгота отменялась; нередко правительство специально запрещало продавать золото и серебро как в монете, так и в слитках: ни один диргем не должен был итти за границу.

СНАБЖЕНИЕ РУДНИКОВ

Для бесперебойной работы на рудниках окрестные деревни обложены были повинностями, они должны были поставлять дрова, уголь и т. п.;

¹ Об организации чеканки (состав мастеров, процесс литья, техническая терминология, и т. д.) см.: С. T r u h e l k a. *Jedan nalaz turskih akči iz Macedonije*. *Glasnik Zemaljskog muzeja*, t. XXX, pp. 100—101. Впрочем, арабские стандартные легенды прочтены ошибочно; сомнительно также чтение Сидрекайси (вм. Сидрекапси); как ясно видит и Трухелка, словарь Ценкера для понимания текста недостаточен.

² *Mikras değmiş akçe kalmamıştır*, — прибавляет кадий.

³ См. документ № 30.

жители Кигы поставляли лошадей, инструменты. Дрова, уголь — это жизненный нерв рудника: они нужны для плавки металла; рудники Гююшанэ и были заброшены в XIX в., когда кругом был сведен лес.¹ На рудниках происходит древесно-угольная плавка; поэтому подвоз дров постоянно волнует правительство, и оно часто справляется о том, налажен ли транспорт.

Однако казенные ставки на уголь были чрезвычайно низки: это должно иногда признать и правительство, устанавливающее в 1143 г. х. (1730 г. н. э.) на рудниках Кебана дотацию.

Поставки — хлопотливое дело; хаким Палу, напр., обязан был обжигать уголь в горах и потом на бурдюках по р. Евфрату доставлять его на рудник. Указы о поставках, причитающихся с округа, так и сыпались. И стоит деревням задержать поставку угля, как уже шлетя грозный указ, и жители деревень округа Тиреболу (Элягудереси, Кулыхак, Сарыяр) обвиняются в воровских и грабительских наклонностях. На рудники Кебан уголь идет и из каз Малатья — 6 тыс. вьюков и из Акчедага (Сивас) — 4 тыс. вьюков. Иногда повинность эта падает на округа Диврики, Арабгир, Чарсанджак и др., но чаще они освобождаются от этих поставок, и натуральная повинность заменяется для них с 1143 г. х. (1729 г. н. э.) деньгами, а именно налогами «вспомоществования военного и морского времени». Вероятно, жители рассчитали, что их замучит один провоз, и предпочли отделаться деньгами, потому что правительство мало учитывает дальность расстояния; так, для рудников Эргани и Кебан разверстка падает на Самсат и Малатью.

Когда Мольтке в 30-х годах прошлого столетия был в Эргани, «городе, хорошо отстроенном, который жил доходами с рудников», ему бросилась в глаза нерациональная эксплуатация; он был поражен, слушая наивные рассуждения о том, что лес, собственно, *res nullius*, и хотя доставлять дрова приходится издалека, но это — барщина,² т. е. для доставки дров не требуется затрата капитала.

Каждый поступает так, как находит для себя удобным. Так, племя «Сана Милли», естественно, предлагает бейлербею Мараша доставлять уголь вместо «вспомоществования военного времени».

Во всяком случае, кое-где и в глуши страны натуральное хозяйство падает, ему на смену идет денежное обращение.

Прикидываясь доброжелателем, правительство указывает и пути доставки угля до рудников Кебан. В конце концов правительство довольно: без забот, а главное без больших затрат на рудник Ахсендерэ, уголь будет доставлен. А если кто уклоняется от поставок, указ от 1141 г. х. (1728 г. н. э.) велит схватить ослушников и сослать.

Из-за отсутствия угля в Кебана медная руда доставлялась для плавки в Токад (где она сперва и очищалась).³

Древесный уголь частично мог быть заменен в XIX в. каменным углем, так постепенно встал вопрос о лесоохранении. Однако только в 1924 г. был издан закон, запрещающий хищническое истребление леса для угля.⁴

Окрестные деревни должны были также снабжать продуктами рабочее население рудников, у которого, очевидно, здесь не было никакого хозяйства.

¹ E. B a n s e. Die Türkei. Eine moderne Geographie. Braunschweig, 1919, pp. 93—94. См. также: J. H. M o r d t m a n n, Encyclopédie de l'Islam, II, p. 194, s. v. Gümüşkhâne.

² M o l t k e, op. cit., pp. 289—290.

³ A. D. M o r d t m a n n, op. cit., pp. 161—162.

⁴ K. K l i n g h a r d t. Angora — Konstantinopel. Ringende Gewalten. Frankfurt a. M., 1924, p. 110.

Но власти, наблюдавшие за поставками, своеобразно понимали задачи и незаконными действиями возбуждали недовольство населения. Кадиям округов, заботившимся о поставках для рудников Биледжика, указ от 973 г. х. (1565 г. н. э.) предлагает «заготавливать припасы, по возможности, на ближайших пунктах и посылать хозяев на рудники, чтобы они могли продавать там, и отнюдь не забирать от них продукты» (подразумевается: даром); от насильственных поборов и реквизиций кадии должны были воздерживаться.

Для иллюстрации поведения властей характерен указ на имя кадия вилайета Темешвар от 978 г. х. (1570 г. н. э.) о бесчинствах над крестьянами, поставлявшими на селитренные заводы дрова и пр.¹ «Воеводы, сюбаши, займы, тимариоты, эмины, „аммалы“ (сборщики податей), янычары, несшие очередную службу, словом, все, кто только мог или хотел, заставляли работать на себя крестьян удельных (havassi hümaуun), хассов бейлербеев и санджакбеев, тимаров и эмляков; мало того: они даром забирали у них фураж и продукты — кур, ягнят, баранов,² масло, „пастырму“ (вяленое на солнце мясо) — обычная пища турок, как заметил уже Б. де-ля-Брокьер, — и прочие съестные припасы. Они могут брать все это у крестьян за деньги с их согласия, а отнюдь не брать на работу их самих или их скот, или повозки (? кошу)».

Так было организовано местное обслуживающее хозяйство.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУДНИКОВ

Юридическое положение рабочего люда на рудниках было тяжелое; собственно, рабочие были бесправны, как все население, и привилегии, о которых говорят указы, есть не что иное, как отказ от насилий, чинимых по всей стране.

Указы неоднократно напоминают властям на местах об исконных обычаях и уставах рудников; они осуждают все, что противно «старым условиям», а там, действительно, идет все по заведенному исстари порядку. Конечно, традиции и привилегии соблюдаются на больших рудниках, как, напр., в Гюмюшанэ и, отчасти, в Эргани и Кебане: там на старых рудниках действовали старые статуты, быть может, сохранявшие еще дотурецкие порядки.

Как, естественно, деревни, выделенные для обслуживания рудников, так и крестьяне, работающие на рудниках, освобождаются от повинностей, лежащих на земледельцах, крестьянах, сидящих на земле, т. е. от уплаты «крестьянского налога». Указ на имя секретаря ливы Килис (в Боснии) предписывает составить для крестьян двух деревень, которые будут взяты на рудники Камениграда, проект «избавительной от [повинностей] грамоты» (muafname), наметить повинности (tekâlif), которые с них снимаются, и описать об этом в Стамбул: тогда из Стамбула последует уже соответствующий указ. Значит, льготы эти вариировали: и когда правительство освобождало от тех или иных, в отдельных случаях различных, налогов, у него были какие-то соображения, был, очевидно, индивидуальный подход к рудникам.

Повинности же, лежавшие на крестьянах, были велики: «вспомоществование квартирное» — постой (imdadî menzil), «вспомоществование мирное» (imdadî hazariye), «вспомоществование военное» (imdadî seferiye),

¹ Документ № 13.

² В тексте стоит еще непонятное мне слово: yuklun.

сбор подковочный (nal), сбор на одежду (kaftanbeha), сборы «кунные» (üşü-rudem, diyet). И как будто этот перечень еще недостаточно значителен, указ добавляет: «и прочие повинности» (ve sayir tekâlifi örfiye ve şâkka). А число этих налогов и повинностей доходило до 97.¹ В указе на имя вали Эрзурума и Трапезунта, муллы Эрзурума и всех кадиев, от 30-х годов XII ст. х. (первая четверть XVII в. н.э.), представляющем своего рода «хартию вольностей» рудников Гюмюшанэ, проводится положение о том, что тот, кто работает на рудниках, освобождается от всяких повинностей государственных (avarizi divaniye, tekâlifi örfiye).² А воеводы и мютезел-лимы требовали от работавших на рудниках налог «испенчэ» — «пятину», как от «пленных».³

Когда возникала война, требовавшая от государства большого напряжения, вали пытались нарушить старые привилегии. Однако центральное правительство отказывалось санкционировать эту вредную точку зрения властей на местах.

Местные власти действовали незаконно во время Восточного похода (в 1130 г. х. = 1717 г. н. э.), когда для постройки крепостей и рудники должны были поставлять рабочих; так как среди этих рабочих не было людей подходящих, им пришлось нанимать за себя людей на стороне; с рабочими требовали тогда и вьючный скот. В результате всего этого на рудниках создался застой. Подтверждая через несколько лет после этого (в 1146 г. х. = 1733 г. н. э.) старые льготы рудников, правительство запрещает также, поскольку они освобождены от повинностей, назначать в казы и в деревни и мябаширов.

Освобождение от повинностей, душивших крестьянство, рассматривается уже как необыкновенная льгота или привилегия.

Были, кажется, какие-то преимущества у отдельных категорий рабочих — более повышенная заработная плата (?): в указе от 981 г. х. (1573 г. н. э.) говорится о «привилегиях» вообще и об «усиленных привилегиях» (ziyadelü gedük). Указ бейлербею Карамана велит на тех, кто проявляет нерадение на селитренных заводах или теряет дорогой, во время перевозки, селитру и т. д., наложить взыскания: от них будут отняты «привилегии» (gedikler) и пожалованы другим.

Одно все-таки ясно: у границы рудников права вали кончались; на территории рудника вали терял власть, и всякий раз своеволие вали решительно пресекалось.

Один раз, впрочем, указ от 1114 г. х. (1702 г. н. э.)⁴ предлагает вали Трапезунта отправить в Гюмюшанэ и организовать доставку серебра в Болу, взяв у воеводы Болу расписку, что он принял груз; но эта мера вызвана была, может быть, задержкой; до конца года оставалось два месяца, а между тем на монетный двор в Стамбуле не поступило ни одного диргема серебра.

Правительство хорошо понимало, что стóит подпустить вали к руднику, как грабежи и насилия увеличатся. И пока течет нормальная жизнь, вали держится вдали. Во время объездов края маршрут вали проходит вне района рудников. Вали это забывали и, ссылаясь на обстоятельства воен-

¹ A. R a s i m. Osmanlı tarihi. İstanbul, 1327—1329, III, pp. 1154—1165 (заимствовано из сборника «Tekâlif kavaidi»).

² Оба эти термина — равнозначаша.

³ Когда взыскание налогов наткнулось на сопротивление, когда уплата налогов задерживалась, применялась обычная мера: имущество, вещи неплательщика продавались (см. документ № 59).

⁴ См. документ № 37.

ного времени, хотели нарушать привилегии рудников. Указ от 1146 г. х. (1733 г. н. э.) напоминает вали Трапезунта, чтобы дорогой в Ереван он объехал Гюмюшанэ, где действуют «правила рудников».

Таким образом, по существу, рудники изъяты из-под юрисдикции вали. Постановления вали над рабочими теряли силу. Знаменитый указ, «хартия вольностей», категорически запрещает воеводам и забитам, хакимам и вали обижать рабочих, которые идут на рудники или с рудников, или хватать их под разными предлогами для вывоза или доставки к себе.

Один раз на заводе, изготовлявшем порох, т. е., так сказать, на военном заводе, замечено было вмешательство «азабов» и «мустахфyzов» крепости Эрджыш; вероятно, они самовольно хотели выделить для себя — для крепости — порох. В указе бейлербею Вана от 979 г. х. (1571 г. н. э.) осужден этот своевольный акт.

Работа на рудниках была закрепощена; однако мастерам Гюмюшанэ, семьи которых жили, быть может, в соседних деревнях или в городе, разрешалось уходить домой. Но работа на рудниках должна была идти непрерывно, «день и ночь», как требуют постоянно указы; поэтому мастера ставили временно за себя надежных заместителей, которые следили за «печами», за плавильными печами, за горном. А так как дорогой мастера могли остановить или задержать как беглого бродягу, как человека, самовольно покинувшего работу, администрация рудников давала ему на руки «отпускное свидетельство» (*izin kâğıdı*).

Им разрешалось также, как встарь, продавать руду (серебро). Власть сознательно соглашалась на утечку руды; запретительные (понижающие заработок) меры вели к тому, что рабочие разбегались.

Громадное большинство мастеров на рудниках были местные христиане. Постоянно общаясь с турками, они хотели и внешне не отличаться от них, а на Востоке издавна уже заведены были для иноверцев, не-мусульман, отличия в одежде.

Законоположения об одежде христиан (идушие еще от халифа Омара) долго сохраняли и в Турции силу.¹ Указ от 1145 г. х. (1732 г. н. э.) запрещает мастерам и прочим «неверным» — гяурам — носить мусульманскую одежду и пр. (*raht ve besaat ve alât istimali*)² и предлагает властям строго следить за этим — «поступать в соответствии с велениями религии».

На больших рудниках у эминов были и большие права. Они сносились с Стамбулом непосредственно и оттуда непосредственно получали указания; они действовали независимо от местной власти. На рудниках Кебана указ от 1143 г. х. (1730 г. н. э.) предоставил эмину сбор (прием) налогов «вспомоществования военного и мирного времени» для расплаты за покупку угля.³ Им на рудниках принадлежала полнота власти как судебной, так и исполнительной.⁴ Мало того, назначение и смещение хакимов, т. е. кадиев, в казах эялетов Трапезунта и Диярбакыра (где находились большие рудники), зависели от эмина: «Ты же, хахим Эгиля, — говорит указ от 1153 г. х. (1740 г. н. э.), — уполномочен на службу охраны рудников и его окрестностей, и твоя отставка и назначение происходят не от вали Диярбакыра, а по представлению эминов»; в 1155 г. х. (1742 г. н. э.) вали Диярбакыра

¹ За одеждой иноверцев издавна наблюдал «мухтесиб» (А. К р е м е г. *Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen*. Wien, 1875, I, p. 425).

² Вообще, христиане не могли носить: 1) широких поясов, 2) тюрбанов, как у мусульман, 3) желтой обуви и, наконец, 4) длинных волос. См.: J. H a m m e r. *Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung*. I, 442—443.

³ Здесь неясно для меня, почему за уголь платят через эмина и мастера.

⁴ Ср. замечание M o u r a d j a D ' O h s s o n (*Tableau...*, VII, 280).

еще раз было указано, чтобы он не уводил, т. е. не отзывал в Багдад, хакимов Палу, Чермика, Эгиля.

Суд и на рудниках, конечно, был духовный — шариатский, но судил эмин «по свободе» (serbestiyet üzere), т. е. как ему заблагорассудится; суд был безапелляционный и не подлежал обжалованию. Самовольная отлучка мастера влекла строгое наказание. Если кто-либо, недовольный решением эмина, вздумал бы итти в казу или тем паче в Стамбул, указ повелевает, «поелику это противоречит старым условиям», нарушителя порядка схватить дорогой, заковать и доставить на рудник. Об этом циркулярно в 1141 г. х. (1728 г. н. э.) оповещены были кадии и мютеселлимы Кебана, Эргани и Гюмюшанэ.

Но изъятие из-под юрисдикции вали, конечно, говорит не о заботе о рабочем; нет, здесь преследовались исключительно интересы эмина. Возможно, впрочем, что только эминам рудников Гюмюшанэ (также Кебан и Эргани) предоставлены были исключительные права; по крайней мере, когда заводы Кигы посылают в Стамбул ядра, правительство приказывает (1107 г. х.) вали Эрзурума проследить качество заказа.

Так подчеркивалось значение эмина; так устранялись на руднике перебои в работе.

Кажется, поскольку эмин на руднике судил, он мог и осудить, т. е. привести судебное решение в исполнение. На рудниках были особые люди (toprukçi), которые надевали на ноги преступника колодки. Вероятно, эмин мог и ссылать неугодных ему рабочих. Указ, заранее, так сказать, ратифицируя решение эмина, грозит (979 г. х. = 1571 г. н. э.) нежелающим работать на селитренных заводах Ичиля ссылкой на заводы на о. Кипре, по представлению назыра.

Вообще, ссылка на о. Кипр практиковалась постоянно (вплоть до XIX в.). На ссылку осуждались сотни людей. Так, из Кайсери отправлено в 981 г. х. (1573 г. н. э.) 204 человека; должно быть, там были какие-нибудь волнения на селитренных заводах, но переусердствовали и мябашеры, дравшие две шкуры (крестьяне платили налоги и несли также натуральную повинность), для острастки сосланы были и мябашеры.

ВОЛНЕНИЯ НА РУДНИКАХ

Каждый, кто работал на рудниках, был сюда затащен силой или приписан; кто мог, откупался деньгами и бежал из этого кромешного ада. Кочевники, на долю которых выпадала служба, и те уклонялись или досрочно бросали рудники. Атмосфера на рудниках была сгущенная, и временами затаенное недовольство прорывалось наружу — тогда вспыхивали бунты, о которых документы говорят, конечно, глухо и скупно. Прекрасно понимая, что мысль о поднятии производительных сил страны чужда правительству, население ненавидело рудники. Уже как только оно замечало, что правительство собирается разрабатывать где-нибудь руду, оно принимало меры, чтобы задержать это мероприятие. В ход пускались старые испытанные средства: местное начальство, лица, специально командированные из Стамбула, подкупались; население взятками хотело отвести от себя беду. Когда в Самакове в 1829 г. часть горы осыпалась и открыла куски золотой руды, жители поспешили засыпать это место, из опасения новых, для них собственно бесполезных трудов.¹ Однако все это было безуспешно; власть угрозами узнавала о руде от старожилов

¹ См.: Энегольм, ук. соч., стр. 119.

и местной интеллигенции или от должностных лиц: учителей, священников, «старост» (kocabası) — уполномоченных от христианских общин.

Теперь работа на руднике организована, и местный крестьянин зависит всецело от жестокой, бессердечной администрации. На рудниках царит произвол, и хорошо еще, если у кого-нибудь в Стамбуле есть влиятельный родственник. Тогда вопли будут услышаны, ошибка исправлена и, может быть, положение улучшится или, вернее, на-время прекратятся несправедливые наряды на работу.

Вот один случай, раскрывающий неурядки. Во дворце, на женской половине — в гареме, находится придворный «карла» Исмаил; родственник шута, сипахи-задэ, попавший на селитренные заводы в Мараше, жалуется, что его ставят вне очереди на работу. Карлик сообщает об этом кому следует, и указ на имя кадия приказывает устранить безобразия.

На военном заводе в Биледжике (приготавлиющем ядра) частенько происходят волнения. Раз, в 967 г. х. (1559 г. н. э.), «пиядэ», назначенные на очередные работы, заволновались и оповестили соседних пиядэ, живших на территории санджака: «Мы освобождены от повинностей». А когда явились беи, сьобаши, яябаши, они взбунтовались (el kaldırub) и оказали сопротивление. Правительство видело, что — это отголосок общего недовольства, и разослало циркулярный указ кадиям Анатолийского вилайета для принятия строгих мер «в назидание другим». Случайно это или нет, но от одного года (973 г. х. = 1565 г. н. э.) сохранилось четыре документа, затрагивающих так или иначе рудники Биледжика: нужны ядра, а на рудниках Биледжика нет дров; вода заливают шахты, а там подойдет зима; то вышли какие-то заминки с продовольствием; то есть и шахты и даже много (67), то не идут «пиядэ», вытребованные из Султанёню. Назыр рудников бомбардирует Стамбул донесениями, из Стамбула сыплются грозные указы, и неизвестно еще, как там все обошлось. Но через несколько лет, в 979 г. х. (1571 г. н. э.), повторилась опять та же история. Только исправятся неполадки на одном руднике, как опять где-нибудь еще вспыхнет недоразумение, и так все время.

Быть может, и отряды на рудниках охраняли не только от врагов внешних, нападавших на рудники; они еще стерегли рабочих, предупреждая бегство или беспорядки. В 1763 г. две тысячи греков бежали из Гюмюшанэ (очевидно, с рудников) в Грузию.¹ Да и жильё, похожее на укрепление, тоже наводит на мысль о волнениях среди рабочих.

Правительство нервничает, возмущает кадиям всяческие кары, грозит сослать смутьянов и зачинщиков на галерные работы (küreğe koşıla). Оно боится, как бы слухи о неурядках, о нарушении на рудниках Гюмюшанэ привилегий не распространились между другими рабочими и мастерами, и оно шлет указ кадиям и мютеселлимам Кебана, Эргани, Гюмюшанэ и соседних округов, предлагая соблюдать законные правила рудников.

Обычно вали держатся вдали от рудников; но, когда здесь возникают беспорядки, когда требуется вмешательство полицейской и вооруженной силы, появляется вали. Военная сила была недостаточна, и правительство старается мобилизовать местное население. Деревня призывается для карательной службы. Три деревни казы Тиреболу (Элягудереси, Кульхак и Сарыяр) уклонились от поставки угольщиков, и правительство, адресуя вали Трапезунта в 1141 г. х. (1728 г. н. э.) указ о наказании ослушников, «давнишних разбойников», требует, чтобы он шел на непокорные деревни, забрав с собой жителей казы Тиреболу.

¹ J. A.³, t. 6, p. 75.

ДОСТАВКА РУДЫ

После того как руда, добытая из недр земли, очищена, возникает сложный вопрос, как благополучно доставить ее в Стамбул. Заботы о доставке возложены поголовно на все население. Поскольку на дорогах хозяйничают разбойники и кочевники, требуется опять вооруженная сила, и естественно, теперь-то прежде всего и нужно содействие вали: здесь стража «из отборных людей вали и верных людей эмина» везет руду, «возложив упование на всевышнего Аллаха». Настоятельно рекомендует правительство дорогой останавливаться в надежных местах; караван идет под конвоем солдат с ружьями (*tüfenkendaz*), а ночью его стерегут сторожа. И все-таки часто бывали нападения; в 1164 г. х. (1750 г. н. э.) три груза (вьюка) золота и серебра, шедшие с рудников Кебана и Эргани, попали в руки разбойников.¹ Когда везут селитру, т. е. то, что нужно для изготовления пороха, для военного снаряжения, караван сопровождают «крепостные солдаты» под начальством бёлюкбаши (главы бёлюка, т. е. отряда, роты). Несмотря, однако, на охрану, во время перевозки с рудников Акдага 50 кантаров селитры пропало. Конечно, возможно, что солдаты, деморализованные повсеместным взяточничеством, симулировали грабеж. Охрана часто вменялась в обязанность кочевникам: юрюкам, яя и мюселлимам. Охрану несут еще «аяны». На их имя адресуются и указы: «кадию Самакова и аянам вилайета» поручается в 1107 г. х. (1695 г. н. э.) обеспечить доставку руды в Стамбул. В циркулярном указе от 1140 г. х. (1727 г. н. э.) на имя кадиев, кетхуда, начальников янычар, аянов вилайета и «мужей дела» (*iş erleri*) предлагается принять всяческие меры на пути для доставки в Стамбул серебра с рудников Эргани.² Здесь втянуты, можно сказать, и администрация и население.

Кто же это аяны? Сейид Мустафа Нури (1824—1890), автор *Netâic-ul-vuķū'ât*, характеризует аянов как выборных от населения, из богатых и влиятельных людей; это были помещики и советники властей по гражданским делам (распределение и взыскание налогов); впоследствии они занимали должности мютеселлимов и воевод, и это привилегированное положение после их смерти сохранялось за их детьми.³ Здесь, таким образом, смешиваются термины «аяны» и «эшрафы».⁴ Хаджи Хальфа, перечисляя четыре «сословия» Турции (ученые, военные, купцы и поселяне), об аянах молчит.⁵ Или он полагает, что это незначительная группа, или термин «аяны-вельможи» покрывается одним из четырех сословий, и тогда, конечно, военными или обладателями земли — помещиками.

В «Законнике» султана Мехмеда II титул «аян» дается сановникам — великому везиру, дефтердарам и вообще первостепенным должностным лицам двора.

В этом смысле слово употребляется и позже: «султан Мурад III и аяны его отошли в вечность».⁶ Здесь под аянами разумеются вельможи, занимавшие высокие должности. Вначале это — крупные феодалы; потом термин

¹ А. Refik, *op. cit.*, pp. VII—VIII.

² Обязанности аянов этим не ограничиваются: на них падает также по разверстке и доставка муки и угля; как и другие, аяны старались от этого уклониться: указ от 1141 г. х. (см. документ № 47) отмечает своевольное поведение аянов Самсата, забывающих о поставках для Эргани и Кебана. У аянов есть и свободные деньги: так, аян Манисы (Хаджи Мехмед) соглашается дать деньги для разработки рудника.

³ А. R a s i m, *op. cit.*, III, pp. 1029—1030; см. также: M o u g a d j a D ' O h s s o n, VII, 286.

⁴ Для Сами-бея (I, 133) эти слова — синонимы.

⁵ В. Смирнов, *ук. соч.*, стр. 209, 213.

⁶ В. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. СПб., 1887, стр. 468.

«аяны» — синоним для обозначения помещиков, землевладельцев, это земельная аристократия.

В XVII в. аяны настроены оппозиционно; это еще не деребеи, открыто выступающие против правительства, однако, замечая ослабление центральной власти, они могут и пограбить население. Крымский хан Селямет-Гирей I, отставленный и проживавший в Румелии, окружил себя тырновскими аянами и производил разбои в Кырккилисэ.

Вероятно, аянам равнозначен термин «бейзаде», «бейзаделер» (рожденные от бея); это, так сказать, потомственные беи, к ним и земля переходит по наследству от отцов, от беев. Указ от 1143 г. х. (1730 г. н. э.) адресуется на имя мутасаррыфа Палу и бейзаде.¹

В XIX в. аяны выполняли административные функции — уездных начальников,² начальников общин; аяны могли быть и из христиан (в Денизли, напр., из армян).³

«Аяны вилайета» раскиданы по всей стране, на их земле живут райя — крестьяне, и по требованию правительства они могут поставить охранников из крестьян.

Естественно, что из деревенской массы и может набираться охрана. Документы молчат о крестьянах, но это потому, что указ обращен к их хозяевам, аянам, которые и переложили на них эту натуральную повинность.

Зато ясно выступает роль кочевников, юрюков как стражников, за них отвечают сюбаши. Юрюки все равно бродят, — рассуждают в Стамбуле, и им поручается доставка.

И когда указ говорит о «мужах дела» (iş erleri), на которых возлагается доставка руды, он имеет в виду, очевидно, представителей кочевых племен. Здесь этот термин встречается только раз, но в документах А. Рефика о «Турецких кочевниках в Анатолии» он попадает часто.

* * *

Вот общая картина эксплуатации рудников в старой Турции, насколько она обрисовывается из официальных документов (законов и указов) и наблюдений путешественников.

---

¹ См. примечание к документу № 50 на стр. 34.

² Е. Ч и р и к о в. Путевой журнал, стр. 653.

³ М. В р о н ч е н к о, цит. соч., II, стр. 114.

РУДНИКИ И МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ В МАЛОЙ АЗИИ¹

Даты, встречающиеся в документах, конечно, не говорят еще о начале эксплуатации рудника или чеканки монет; для ряда пунктов известны более ранние даты (напр. на легендах монет).

В скобках указываются там, где это легко устанавливалось, административные деления XVII в.: э. (эялет), с. (санджак).

Акдаг (э. Сивас) — селитра	976 г. х.
Амасья (серебро)	XIV в.
Амид — монетный двор	980 г. х.
Ардануч (э. Эрзурум)	1142 г. х.
Ахсендерэ (э. Мараш) — медь, сера	1146 г. х.
Байбурт — серебро	967 г. х.
Биледжик (э. Анатолийский) — железо	
Ван — серебро, селитра	981 г. х.
Гююшанэ (э. Трапезунт) — медь, серебро ²	1107 г. х.
Зюлькадрие (э. Мараш?) — селитра	981 г. х.
Инегёль (э. Анadolу) — серебро	1029 г. х.
Испие (э. Трапезунт) — свинец (?)	
Ичиль (э. Кипрский) — селитра	1141 г. х.
Кагызман (э. Эрзурум) — медь	1099 г. х.
Кайсери (э. Караман) — селитра (?)	981 г. х.
Кайяра — нефть	XIV век
Карагюден (Хакяри на границе с Ираком) — сера	978 г. х.
Караман — серебро, селитра	979 г. х.
Кебан (э. Рака) — монетный двор	1138 г. х.
Керасунт — железо, квасцы	
Керкук — нефть	1196 г. х.
	(1049 г. х.)
Кигы (э. Эрзурум) — железо	980 г. х.
Кипр, о. (селитра)	
Кюреи-Мамурэ ³ (э. Сивас) — медь	979 г. х.
Кютахья (э. Анатолийский) — селитра	984 г. х.
Ларендэ (э. Караман) — селитра	
Малатья (э. Мараш) — селитра	
Маниса (э. Анadolу) — монетный двор; свинец, серебро, золото (?)	
Мараш — серебро, селитра	981 г. х.
Нигдэ (дер. Кенисэ, э. Караман) — селитра	
Саманту (на восток от Кайсери, э. Караман) — селитра	980 г. х.
Сарухан (э. Анатолийский) — селитра	994 г. х.
Унье — железная руда	
Хакяри — сера	978 г. х.
Шебин-Карахисар — квасцы	
Ширван (э Эрзурум) — серебро	992 г. х.
Эргани (э. Диярбекир) — серебро	1138 г. х.
Эрджиш (э. Ван) — сера, селитра	978 г. х.
Эрзинджан (медь)	XIV в.
Эситулет — медь	979 г. х.

¹ Сведения о чеканке монеты в азиатской части Турции почерпнуты из каталога Галиба Эдхема; перечень монетных дворов, см. также у J. Hammer'a, Constantinopolis... Pesth. 1822, Bd. II, p. 450.

² В XVI в. там чеканилась и золотая монета (A. Refik, op. cit., p. VIII, not. 2).

³ У С. Mostras'a (Dictionnaire, стр. 154) «Гюреи Нухас», نحاس по-арабски и значит «медь», т. е. Бакыр-кюresi.

Приложение II

РУДНИКИ И МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ

Перечень рудников в Боснии дан у R. Muderizovic'a, перечень мест чеканки монеты — у С. Truhelki.

Пункты, которые обозначены звездочкой, извлечены из вводной статьи и из законов, опубликованных Фехимом Спахо.

Бач	982 г. х.
Белград — монетный двор	972 г. х.
Беналука ¹ (э. Босна) — железо	1001 г. х.
*Бласиче	
*Боровиче	1551 г. н. э.
*Босна	
*Бровник	
Бушавик, деревня (Камениград)	
Деверек (Самаков, э. Румели) — серебро	1165 г. х.
*Дежевице	нач. XV в.
*Дубровник	1503 г. н. э.
Дукакин (э. Румели) — железо	981 г. х.
*Дусина	
*Жежне	
*Заблана ²	
*Зворник (Звоник)	1412 г. н. э.
Камениград (э. Босна) — железо, медь	981 г. х.
Келюгли (э. Босна) — железо	979 г. х.
Килис (э. Босна) — железо	979 г. х.
*Копанник	
Кочанья ³ — свинец	973 г. х.
*Крешево (серебро)	1564/5 г. н. э.
Кыратова (э. Румели)	1126 г. х.
Новоберде (с. Ускюб) — монетный двор	972 г. х.
*Олово	XIV в.
Рудник ⁴ — серебро, свинец	982 г. х.
Самаков (э. Румели) — железо	1107 г. х.
Самаковджук (э. Румели)	
Сереберниче ⁵ (э. Босна) — монетный двор ⁶	
Сидрекапси ⁷ (э. Румели) — серебро; монетный двор	987 г. х.
Ташоз, о. — медь, серебро.	1133 г. х.
Темешвар (банат) — селитра	978 г. х.
Требче (Кыратова, э. Румели)	
Ускюб (э. Румели) — монетный двор	972 г. х.
*Фойница (Хвойница)	нач. XV в.
Шехиркёю (э. Румели)	973 г. х.
*Янова	1551 г. н. э.

¹ Банялука.

² У Хаджи Хальфы: «Заплина».

³ См.: Hans Demschwam's Tagebuch, p. 254.

⁴ Здесь был подписан в 1456 г. фирман султана Мехмеда II молдавскому воеводе Петру.

⁵ Очевидно, там были серебряные рудники.

⁶ С. Truhelka. Jedan nalaz turskih akci iz Macedonije. Гласник, XXXI, стр. 99 (упоминается монета 926 г. х. = 1520 г. н. э.).

⁷ Как показывает греческое название местности (σίδηρος — железо) или турецкое (Demirhisar — железное укрепление) (A. Refik. Ossmanli devrinde Türkiye madenleri, p. IX, not. 2), там была и железная руда. Турки называли Сидрекапси еще «Мадени сидиро» (С. Mosta s. Dictionnaire, p. 168).